

Жорж Сименон

Мегрэ расставляет ловушку

<http://book.zehinli.info>

ГЛАВА I

ПЕРЕПОЛОХ НА НАБЕРЕЖНОЙ ОРФЕВР

Начиная с половины четвертого, Мегрэ все чаще поднимал глаза, чтобы взглянуть на часы. Без десяти минут он подписал последний лист, поднялся из-за стола, вытер со лба пот, поколдовал над пятью трубками, лежавшими в пепельнице, и только потом нажал кнопку под столом. В дверь постучали.

Вытерев лоб носовым платком, он проворчал:

- Войдите!

В комнату вошел инспектор Жанвье. Он, как и комиссар, был без пиджака, но в галстук.

- Отдай это отпечатать. Потом принеси на подпись. Сегодня же вечером это должно быть у Комельо.

Четвертое августа. Окна распахнуты настежь. Но прохлады это не приносило. Горячий воздух был насквозь пропитан запахом расплавленного асфальта, пышащих жаром камней, а вода в Сене, казалось, вот-вот закипит.

Такси, автобусы двигались по мосту Сен-Мишель медленнее, чем обычно, еле ползли. Только сотрудники уголовной полиции ходили в форме. Прохожие держали пиджаки в руках, а некоторые, заметил Мегрэ, были в шортах, как на берегу моря.

В Париже осталась всего четверть его населения, и эта часть с тоской и завистью думала о тех, кто сейчас плескался в волнах моря или сидел с удочкой в тени на берегу какой-нибудь захолустной речушки.

- Ну что, приехали?

- Нет еще. Лапуэнт следит за ними.

Мегрэ с трудом поднялся, выбрал трубку, направился к окну, глазами отыскивая кафе-ресторан на углу Гранд-Августин. Фасад был выкрашен в желтый цвет. Внутри кафе вели две ступени, там было прохладно, как в подземелье.

Стойка, как в старые добрые времена обитая жестью, грифельная доска, на которой бармен записывал счет постоянных клиентов, мелом написанное меню и воздух, пропитанный запахом кальвадоса.

Даже лавки букинистов на набережной были закрыты!

Четыре или пять минут он стоял у окна, попыхивая трубкой. У кафе остановилось такси. Из машины вышли три человека и направились к ступенькам. Из этих троих Мегрэ знал только Лоньона, инспектора из восемнадцатого округа, который издали выглядел еще меньше и толще, чем он показался комиссару при первой встрече.

Что они собираются пить? Конечно пиво.

Мегрэ открыл дверь в кабинет, где сидели инспектора. Там царила такая же ленивая атмосфера, как и во всем городе.

- Барон в коридоре?

- Уже полчаса, шеф.

- А других журналистов нет?

- Сейчас приедет малыш Ружин.

- А фотографы?

- Один.

Коридор уголовной полиции был почти пуст, два или три клиента терпеливо дожидались очереди к коллегам Мегрэ. По вызову Бодарда из финансового отдела привели человека, ставшего темой ежедневных газет:

Макс Бернат, задержанный две недели назад, "герой" последнего финансового скандала, в котором речь шла о миллионах.

Мегрэ не имел ни малейшего желания видеть Берната. А Бодарду с тем не о чем было говорить, расследование только началось. Но Бодард нечаянно проговорился, что к четырем часам мошенника доставят, и вот в коридоре сидели два журналиста и фотограф. Они оставались там до конца допроса.

Но, если бы слух, что Макс Бернат находится на набережной Орфевр, распространился, туда бы слетелась туча народу.

В четыре часа из кабинета инспекторов донесся легкий шум, означавший, что мошенника доставили.

Еще десять минут Мегрэ, вытирая лоб и дымя трубкой, разглядывал ресторан на противоположном берегу Сены. Наконец он щелкнул пальцами и бросил Жанвье:

- Давай, звони!

Жанвье подошел к телефону и набрал номер ресторана.

В ресторане Лоньон бросился к кабине:

- Это меня! Я жду звонка.

Все шло, как обычно. Мегрэ вернулся в свой кабинет немного отяжелевшим от пива и несколько обеспокоенным. Прежде чем сесть за стол, он налил себе стакан воды из-под крана.

Спустя десять минут в коридоре разыгралась примечательная сцена.

Лоньон и еще один инспектор из восемнадцатого округа, корсиканец Альфонси, медленно поднимались по лестнице. Между ними шел человек, который, похоже, чувствовал себя весьма неловко. Лицо он закрывал шляпой.

Барону и его коллеге Жану Ружину, сидевшим перед дверью комиссара Бодарда, достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в чем дело.

Фотограф спешно налаживал аппарат.

- Кто это?

Они знали Лоньона. Они знали каждого работника полиции, точно так же, как сотрудников своей газеты. Когда два инспектора, состоящие не на службе в уголовной полиции, а в

комиссариате Монмартра, приводят незнакомца на набережную Орфевр, который к тому же закрывает лицо шляпой, - это что-нибудь да значит.

- Это к Мегрэ?

Не отвечая, Лоньон направился к двери и деликатно постучал. Дверь открылась, и все трое скрылись за ней.

Барон и Жан Ружин были похожи на людей, которых только что одурачили, но поскольку каждый из них знал, что думает другой, то они промолчали.

- Ты успел их сфотографировать? - спросил Ружин Фотографа.

- Только шляпу перед его лицом.

- Вот так всегда. Давай быстрее в газету и возвращайся сюда. Не прозевать бы их, когда они будут выходить. Альфонси вышел почти сразу лее.

- Кто это?

Инспектор, казалось, был смущен.

- Я не могу ничего сказать.

- Почему?

- Это приказ.

- Чей? Кого вы поймали?

- Спросите комиссара Мегрэ.

- Есть подозрения?

- Не знаю.

- Новые предположения?

- Уверяю вас, мне ничего не известно.

- Спасибо за помощь.

- Я считаю, что если бы это был убийца, вы надели бы на него наручники.

Альфонси ушел с убитым видом, словно расстроился, что не мог сказать больше, чем положено. В коридоре стало по-прежнему тихо, будто полчаса тому назад здесь никакой суеты вовсе и не было.

Мошенник Макс Бернат вышел из финансового отдела, но он уже отошел на второй план. По старой дружбе журналисты задали несколько вопросов комиссару Бодарду.

- Он назвал фамилии?

- Еще нет.

- Он отрицает помощь политических лиц?

- Не отрицает, но и не признает.

- Когда состоится новый допрос?

- Как только подтвердятся некоторые сведения.

Мегрэ вышел из кабинета по-прежнему без пиджака, в расстегнутой рубашке и с сосредоточенным видом направился к кабинету начальника.

Это был еще один знак: несмотря на время отпусков, несмотря на жару, уголовная полиция готовилась к какой-то важной операции, и оба репортера думали о предстоящих допросах, иногда не прекращавшихся даже ночью. Но то, что происходило за закрытыми дверями, оставалось неизвестным.

Вернулся фотограф.

- Ты ничего не сказал в редакции?

- Нет, только проявил пленку и отпечатал снимки. Через полчаса Мегрэ вышел от шефа и, отмахнувшись от репортеров, прошел к себе.

- Скажите хоть, имеет ли это отношение...

- Пока мне нечего вам сказать.

В шесть часов посыльный из пивной "Дофин" принес поднос с пивом и бутербродами. Люка вышел из своего кабинета и прошел к Мегрэ. В шляпе, сдвинутой на затылок, пронесся Жанвье и стремительно вскочил в одну из машин уголовной полиции.

Еще неожиданнее было появление Лоньона, который, как и Мегрэ, направился к начальнику. Не прошло и десяти минут, как он вышел оттуда и скрылся в кабинете инспекторов.

- Ты ничего не заметил? - спросил Барон своего коллегу.

- Соломенная шляпа!

Они плохо представляли себе инспектора Неудачника, как прозвали Лоньона и в полиции, и в кругах прессы, в столь легкомысленной шляпе.

- Это еще что!

- А в чем дело?

- У него красный галстук.

Он всегда носил темные пластмассовые воротнички.

- Что все это значит?

Барон знал все и делился секретами со снисходительной улыбкой.

- Его жена уехала в отпуск.

- Говорили, что она парализована.

- Была раньше.

- А теперь вылечилась?

Многие годы Лоньон вынужден был в перерывах между работой убирать лестницу, на кухне, квартиру на площади Константин-Пекер и вдобавок ко всему ухаживать за женой, которая однажды вдруг объявила себя инвалидом.

- Она познакомилась с новой жиличкой из меблированных комнат. Та рассказала ей о водах и вбила ей в голову поехать туда на лечение. Как ни странно, она отправилась одна, без мужа, который не может уехать сейчас из Парижа, а с этой соседкой. Обе они одногодки. Соседка - вдова.

Бегодня из кабинета в кабинет все усиливалась. Почти все из бригады Мегрэ разъехались. Люка, распаренный, то приходил, то уходил. Время от времени показывался Лапуэнт. Им удалось поймать Мовуазена, но он был новичок, и из него невозможно было вытянуть ни слова. Вскоре приехала Маги, репортер утренней газеты, свежая, как будто и не было тридцатиградусной жары.

- Что ты собираешься тут делать?

- То же, что и вы.

- А именно?

- Ждать.

- Откуда ты узнала, что здесь что-то происходит?

Она пожала плечами и, достав помаду, провела по губам.

- Сколько их там? - кивнув на кабинет Мегрэ, спросила она.

- Пять или шесть. Их невозможно сосчитать: то приходят, то уходят.

Они как будто меняют друг друга.

- Что-нибудь наклеивается?

- Во всяком случае, кажется, тут что-то заваривается.

- Им принесли пиво?

- Да.

Это была примета: когда Мегрэ приказывал принести пива - это значило, что засели они там надолго.

- Лоньон все время с ними?

- Да.

- Довольный?

- По нему не видно. На нем красный галстук.

- Почему?

- Жена уехала лечиться. Они поняли друг друга.

- Вы его видели?

- Кого?

- Того, кого они задержали?

- Все, кроме лица. Он закрывался шляпой.

- Ни старый, ни молодой. Насколько можно судить - за тридцать.

- Как одет?

- Как все. Ружин, какого цвета у него костюм?

- Серый, со стальным отливом.

- А по-моему, бежевый.

- А общий вид какой?

- Как у всякого прохожего на улице. На лестнице послышались шаги. Все обернулись. Маги пробормотала:

- Это, должно быть, мой фотограф.

Их стало пятеро, а в половине восьмого мальчик из пивной "Дофин" принес новую порцию пива и бутербродов.

На этот раз шла большая игра. Время от времени журналисты по очереди отправлялись в глубину коридора звонить в свои редакции.

- Есть пойдем?

- А вдруг он уйдет за это время?

- А если он будет тут сидеть всю ночь?

- Давайте закажем бутерброды!

- Давайте.

- И пива?

Солнце скрылось за крышами домов, но было еще светло, и прохладнее не стало.

В половине девятого Мегрэ, со слипшимися на лбу волосами, выглянул в коридор и собрался было что-то сказать репортерам, но дверь за ним снова захлопнулась.

- Нет, это ужасно!

- Я же говорю тебе, что мы просидим всю ночь. Ты был, когда допрашивали Месторино?

- Я тогда еще под стол пешком ходил.

- Двадцать семь часов.

- В августе?

- Я не помню, какой это был месяц, но...

- Может, перекинемся в картишки?

Залегли свет. Ночной дежурный занял свое место в глубине коридора.

- Как бы устроить сквознячок?

Служащий открыл окно, затем дверь в одном кабинете, в другом, и вскоре с трудом можно было почувствовать что-то, отдаленно напоминающее ветерок.

- Это все, что я могу сделать, господа.

Наконец в одиннадцать часов за дверью кабинета Мегрэ послышался шум.

Первым вышел Люка, пропустил вперед неизвестного, который держал перед лицом шляпу. Замыкал шествие Лоньон. Все трое направились к лестнице, ведущей из уголовной полиции во Дворец правосудия и оттуда в тюрьму Сурисьер.

Фотографы вскочили. Вспышки озарили коридор. Менее чем через минуту дверь закрылась, и все бросились в кабинет Мегрэ, напоминавший поле битвы. Пустые стаканы, окурки, пепел, клочки бумаги, облако дыма под потолком. Мегрэ, по-прежнему без пиджака, мыл руки.

- Вы сообщите нам какие-нибудь сведения, комиссар? Как всегда в таких случаях, он смотрел на них широко раскрытыми глазами и, казалось, никого не узнавал.

- Сведения?

- Кто это?

- Кто?

- Человек, который вышел отсюда.

- Некто, с кем я имел продолжительную беседу.

- Свидетель?

- Мне нечего вам сказать.

- Вы арестовали его без ордера?

Его лицо приобрело виноватое выражение.

- Господа, как это ни прискорбно, но в настоящее время я не имею права делать какие-либо заявления.

- Вы рассчитываете сделать это в ближайшем будущем?

- Не знаю.

- Вы собираетесь повидать судью Комельо?

- Только не сегодня.

- Это связано с убийцей?

- Еще раз напоминаю, что я не уполномочен давать какую бы то ни было информацию.

- Вы возвращаетесь домой?

- Который час?

- Половина двенадцатого.

- В таком случае пивная "Дофин" еще открыта, и я отправляюсь туда перекусить.

Мегрэ, Жанвье и Лапуэнт ушли. Двое журналистов проводили их до пивной, где они пропустили по стаканчику за стойкой, пока эта троица усаживалась во втором зале и делала заказ уставшему и озабоченному официанту.

Через несколько минут к ним присоединился Лоньон, а Люка все еще не было.

Все четверо переговаривались вполголоса, и услышать, о чем идет речь или понять что-нибудь по движению губ, было невозможно.

- Тебя проводить, Маги?

- Не надо, я в редакцию.

Когда дверь за ними закрылась, Мегрэ потянулся и весело, по-молодому улыбнулся.

- Ну вот! - выдохнул он.

- Я думаю, они напишут об этом, - сказал Жанвье.

- А что они смогут написать?

- Не знаю, но они найдут способ сделать из этого сенсацию. Особенно малыш Ружин.

Тот был новичком, но дерзким и напористым.

- А если они догадаются, что их провели?

- Не должны.

Это был новый Лоньон, Лоньон, который с четырех часов пополудни выпил четыре стакана, а теперь не отказался и от кофе, предложенного начальником.

- Как поживает ваша жена, старина?

- Она написала, что лечение идет ей на пользу. Беспокоится о моих делах.

При этом он даже не улыбнулся. Он жил среди священных понятий и был оптимистом.

- Вы очень хорошо сыграли свою роль. Благодарю вас. Надеюсь, что, кроме Альфонси, в вашем комиссариате об этом никто не знает?

- Никто.

Было уже за полночь, когда они разошлись. На террасах, на улицах было многолюдно. Жители наслаждались ночной прохладой, которой так не хватало днем.

- Вы на автобусе?

Мегрэ покачал головой. Нет. Он предпочитает пройтись пешком, один.

Пока он шел по улицам, возбуждение улеглось, а выражение лица стало серьезным, почти тревожным.

Несколько раз он проходил мимо одиноких женщин, жавшихся к домам и, казалось, готовых броситься бежать при одном лишь угрожающем жесте или окрике.

За шесть месяцев пять женщин, подобных этим, возвращавшихся к себе или направлявшихся к подругам, пять женщин были убиты на улицах Парижа одним и тем же преступником.

И что любопытно, все пять убийств совершены в одном из двадцати округов Парижа, в восемнадцатом, на Монмартре, и не просто в одном округе, но даже в одном квартале, ограниченном четырьмя станциями метро:

"Ламарк", "Аббее", "Площадь Бланш", "Площадь Клиши".

Имена жертв, названия улиц и переулков, время преступлений стали известны читателям газет, а для Мегрэ превратились в навязчивую идею.

Он знал таблицу наизусть, мог рассказать ее, как басню, выученную в школе.

2 февраля. Авеню Рашель, совсем рядом с площадью Клиши, в двух шагах от бульвара Клиши и его фонарей; Арлетта Дютур, 28 лет, проститутка, проживала в меблированных комнатах на улице Амстердам, Два удара ножом в спину, вызвавшие почти мгновенную смерть.

Методически разрезана вся одежда. Несколько поверхностных порезов на теле.

Никаких следов насилия. Дешевые украшения, сумочка с деньгами не тронуты.

3 марта. Улица Лепик, немного выше мельницы Галет. 20.30. Джозефина Симмер, родилась в Мюльхаузене, акушерка, 43 года. Жила на улице Ламарк и возвращалась от клиентки с улицы Бутт.

Один удар ножом, прямо в сердце. Разрезана одежда и порезы на теле.

Акушерский чемоданчик валялся на тротуаре рядом с ней.

17 апреля. По аналогии с датами 2 февраля и 3 марта, новое нападение ожидалось 4 апреля, но в этот день ничего не произошло. Улица Этекс, у ограды кладбища Монмартра, почти перед больницей Бретоно. 21.03. Моника Жюто, портниха, 24 года, не замужем, жившая с матерью на бульваре Батиньоль. Возвращалась от своей приятельницы с авеню Сент-Уэн. Шел дождь, она была с зонтиком.

Три удара ножом. Порезы. Никаких следов ограбления.

15 июня. Между 21.20 и 21.30. Улица Дюрантин, тот же сектор. Мари Бернард, вдова, 52 года, служащая почты, с дочерью и зятем занимала квартиру на бульваре Рошешуар.

Два удара ножом. Второй удар задел сонную артерию. Порезы. Следов ограбления нет.

21 июля. Пока последняя жертва. Жоржетта Лекуэн, замужем, мать двоих детей, 31 год, жила на улице Лепик, недалеко от того места, где было совершено второе нападение.

Ее муж работал в ночную смену в гараже. Один ребенок был болен. Она шла вниз по улице Толозе в поисках открытой аптеки и была убита в 21.25 прямо перед танцплощадкой. Один удар. Порезы.

Это было монотонно и отвратительно.

Полиция квартала Гранд-Карьер была усилена. Лоньон, как и его коллеги, перенес свой отпуск на неопределенный срок. Да и будет ли он вообще?

Улицы патрулировались. Повсюду были расставлены посты. Но все это и во время второго, третьего, четвертого и пятого убийств.

- Устал? - спросила мадам Мегрэ, открывая дверь в тот самый момент, когда ее муж только ступил на площадку.

- Жарко.

- По-прежнему ничего?

- Ничего.

- Только что по радио я слышала о какой-то суматохе на набережной Орфевр.

- Уже?

- Предполагают, что напали на след убийцы в восемнадцатом. Это правда?

- Более или менее.

- У вас есть зацепка?

- Ничего не знаю.

- Ты обедал?

- Да, полчаса тому назад.

Она не настаивала, и немного позже оба уже спали. Окно в спальню было открыто.

На следующий день комиссар вошел в кабинет в девять часов, времени читать газеты не оставалось. Он было собрался их просмотреть, как зазвонил телефон. Он сразу узнал своего собеседника.

- Мегрэ?

- Да, господин судья.

Это был Комельо, занимавшийся делом о пяти убийствах на Монмартре.

- Это все правда?

- Что вы имеете в виду?

- То, что написано в утренних газетах.

- Я их еще не видел.

- Вы произвели арест?
- Нет, насколько я знаю.
- Я предпочел бы, чтобы вы сейчас же пришли ко мне.
- Охотно, господин судья.

Во время разговора вошел Люка. Он понял гримасу комиссара, когда тот сказал:

- Скажи шефу, что я во Дворце и, наверное, не вернусь вовремя для доклада.

Он пошел тем же путем, что вчера шли Лоньон, Люка и таинственный посетитель уголовной полиции, человек со шляпой перед лицом. В коридоре служащие суда, жандармы приветствовали его, обвиняемые и свидетели, ожидавшие приема, кивали головой.

- Входите. Читайте.

От Комельо можно ожидать всего. Он был взвинчен. Его усики дрожали от возмущения.

Один заголовок гласил:

"Поймает ли наконец полиция убийцу?"

Другой:

"Тревога на набережной Орфевр. Это маньяк Монмартра?"

- Должен вам заметить, комиссар, что вчера в четыре часа дня я был здесь, в своем кабинете. Я был здесь и в пять, и в шесть часов. Я не уходил, занимаясь делами, до без десяти семь. Потом меня можно было найти дома, куда вы могли бы позвонить, затем у друзей, тем более что я оставил их адрес своей прислуге.

Мегрэ слушал почтительно, не шевелясь.

- Когда случается что-нибудь важное... Подняв голову, комиссар пробормотал:
- Ничего важного не произошло.

Комельо, которому трудно было уже остановиться, резко ударил газетами по руке.

- А это? Вы хотите сказать, что все это выдумали журналисты?
- Предположения.

- Другими словами, ничего не произошло, а есть журналисты, которые предполагают о неизвестном, доставленном в ваш кабинет, и которого допрашивали в течение шести часов, и которого вы потом доставили в Сурисьер, и которого...

- Я никого не допрашивал, господин судья. Комельо, казалось, был потрясен, ничего не понимал:

- Вам следует объяснить, в чем дело, чтобы я, в свою очередь, мог доложить генеральному прокурору. Он первым делом позвонил мне...

- Некто вчера в обществе двух инспекторов пришел навестить меня.
- Это тот, кого задержали инспектора?
- Речь идет о дружеском визите.
- Именно поэтому этот человек скрывал свое лицо под шляпой?

Комельо показал на фотографию, напечатанную на первых полосах газет.

- Должно быть, случайность, механическое движение. Мы мило беседовали...
- В течение шести часов?
- Время быстро летит.
- Вы заказывали бутерброды и пиво.
- Так точно, господин судья. Снова удар газетами по руке.
- Я достаточно хорошо информирован о ваших делах?

- Несомненно.

- Кто этот человек?

- Прекрасный малый по имени Мазет. Пьер Мазет, работал у меня двенадцать лет и вот приехал сдавать экзамены. Для быстрого продвижения или от несчастной любви он попросился в Экваториальную Африку, где и прожил пять лет.

Комельо, совсем запутавшись, смотрел на Мегрэ, нахмутив брови, думая, уж не насмехается над ним комиссар.

- Ему пришлось покинуть Африку из-за лихорадки: врачи посоветовали вернуться. Когда он поправится, он, возможно, вернется в уголовную полицию.

- И все это вы инсценировали, чтобы журналисты уверились, что что-то происходит?

Мегрэ подошел к двери, убедился, что никто не подслушивает.

- Да, господин судья, - сказал он наконец. - Мне нужен был человек с неброскими приметам или человек, неизвестный ни полиции, ни прессе.

Бедняга Мазет сильно изменился за это время службы в Африке. Вы понимаете?

- Не очень.

- Я ничего не сказал прессе. Я не проронил ни слова о том, что этот визит имеет какое-нибудь отношение к убийствам на Монмартре.

- Но вы не отрицали.

- Я повторил, что не могу ничего сказать, и это было правдой.

- И вот результат! - воскликнул судья, показывая на газеты.

- Именно такой результат я и хотел получить.

- Без моего ведома, как обычно. Не посвятив меня...

- В конце концов, господин судья, зачем вам делить со мной ответственность?

- На что вы надеетесь?

Мегрэ, зажав трубку в зубах, с задумчивым видом раскурил ее и медленно произнес:

- Я еще не знаю, господин судья. Я просто надеюсь, что из этого что-нибудь выйдет.

Комельо совсем растерялся и теперь уставился на трубку Мегрэ, к которой никак не мог привыкнуть. Мегрэ был единственным человеком, курившим в его кабинете, и судья рассматривал это как своего рода вызов.

- Присаживайтесь, - произнес он наконец с сожалением.

И прежде чем сесть самому, он направился открыть окно.

ГЛАВА II

ТЕОРИИ ПРОФЕССОРА ТИССО

В прошлую среду вечером Мегрэ с лесной отправились к соседям на улицу Пикпюс. Обычай еженедельных вечеров у доктора Пардона был заведен чуть больше года тому назад и продолжался с небольшими изменениями до сих пор.

Пардон, как правило, кроме четы Мегрэ, приглашал того или иного своего коллегу, почти всегда человека интересного, известного как личность, прославившаяся своими открытиями, и всегда комиссар оказывался в обществе какого-нибудь профессора или великого ученого.

Поначалу он чувствовал себя не совсем в своей тарелке, потому что его все время расспрашивали, учили, задавали бесчисленные вопросы. Всем хотелось с ним поговорить, им

было любопытно. Но вскоре они находили общие темы, и беседы после ужина, за старым ликером, в тихом салоне Пардона с открытыми окнами, выходящими на многолюдную улицу, продолжались до поздней ночи.

Не раз во время этих бесед его визави серьезно смотрел на Мегрэ и спрашивал:

- Вы никогда не пытались заняться медициной?

И он отвечал, слегка краснея, что это было его призванием и что смерть отца заставила прекратить занятия.

Интересно, как они об этом догадывались спустя столько лет? Их манеры интересоваться человеком, оценивать свой труд и неудачи были сходны.

И полицейский не пытался скрывать, что ему приятно, когда профессор со всемирно известным именем разговаривал с ним, как со своим коллегой.

Пригласил ли Пардон его в связи с убийствами на Монмартре, в течение шести месяцев занимавшими умы многих? Возможно. Он был простым в обращении человеком, но в то же время обладал какой-то деликатностью. В этом году он взял отпуск рано, в июне, так как нашел себе замену только на этот месяц.

Когда Мегрэ и его жена вошли, еще одна пара уже сидела за аперитивом: по-крестьянски угловатый мужчина, загорелый, с седыми волосами, и необыкновенно живая смуглая женщина.

- Мои друзья Мегрэ... Мадам Тиссо... Профессор Тиссо... - представил их Пардон.

Тиссо был заведующим известной больницей для душевнобольных на улице Кабанис. Его часто вызывали в суд в качестве эксперта, однако Мегрэ как-то не подвернулась возможность с ним познакомиться, и сейчас перед ним предстал веселый, гуманный и обаятельный ученый-психиатр.

Сразу же сели за стол. Было жарко, но к концу ужина пошел чудесный легкий дождь, и его мягкий шорох сопровождал их весь вечер.

Тиссо не брал отпуска, так как, хотя у него и была в Париже квартира, он каждый вечер возвращался в свое имение в Виль-д'Аврай.

Как и все его предшественники, он начал с разговора о том, о сем и в то же время быстрыми взглядами, набрасывая портрет, посматривал на Мегрэ. Женщины по обыкновению уединились в уголке.

- Не страшит вас ответственность? - в упор спросил профессор.

- Полагаю, речь идет об убийствах в восемнадцатом округе?

Его собеседник утвердительно кивнул. Это была правда: ни одно дело за всю карьеру не тревожило так Мегрэ. Он никак не мог найти убийцу. И как почти всегда, дело было не в наказании преступника.

Для общества это был вопрос обороны. Пять женщин были убиты, и оснований предполагать, что этот список не будет продолжен, не было.

Обычные средства защиты успеха не приносили. Доказательство тому: сразу после первого убийства весь механизм полиции был пущен в ход, а результатов не было.

Мегрэ пытался понять, что имел в виду Тиссо, говоря об ответственности. Скорее всего, его интересовало решение проблемы, от чего зависела судьба женщин.

Чувствовал ли Пардон то же самое, и не для этого ли он организовал встречу?

- Хотя это в некотором роде моя специальность, - добавил Тиссо, - я не хотел бы оказаться на вашем месте перед обезумевшей публикой, перед газетами, которые не делают ничего, чтобы ее успокоить, перед должностными лицами, дающими противоречивые советы. Ведь дело обстоит так?

- Да.

- Я думаю, что вы заметили все характерные черты преступлений?

Он уловил самую суть вопроса, и Мегрэ показалось, что он разговаривает с кем-нибудь из коллег из уголовной полиции.

- Комиссар, скажите откровенно, что вас больше всего поразило?

Это был каверзный вопрос, и Мегрэ, как изредка с ним случалось, почувствовал, что краснеет.

- Тип жертв, - ответил он без колебания. - Вы ведь спрашиваете об основной характеристике, не так ли? Я не говорю вам о других, их слишком много. Когда случается, как в данном случае, серия преступлений - первейшая забота уголовной полиции найти сходные черты.

Тиссо одобрительно кивнул. После ужина его лицо покраснелось.

- Час, например? - сказал он.

Чувствовалось, что ему хотелось показать свою осведомленность, что он по газетам, отбросив все постороннее, изучил это дело со всех точек зрения, включая точку зрения полицейского.

На этот раз улыбнулся Мегрэ, разговор занимал его.

- Действительно, час... Первое убийство произошло в феврале, около восьми часов вечера. В это время уже темно. Второе - в марте, на полчаса позже, и так далее, и, наконец, июль, без нескольких минут десять.

Совершенно очевидно, что убийца ждет темноты.

- Даты?

- Я изучал и так, и этак, раз двадцать, пока они все не перепутались у меня в голове. У меня в кабинете есть календарь, покрытый красными, черными и синими отметками. Как для расшифровки какого-нибудь таинственного языка, я перепробовал все системы, ключи. Сначала поговаривали о полнолунии...

- Люди много сваливают на луну, когда речь идет о фактах, которые они не могут объяснить.

- Вы верите в это?

- Как врач - нет.

- А как человек?

- Как бы то ни было, это объяснение не играет никакой роли, так как только два убийства из пяти были совершены при полной луне. Я искал и другие совпадения. Например, день недели. Есть профессии, при которых выходной день не воскресенье, а в какой-нибудь другой день.

Впечатление было такое, что Тиссо тоже анализировал и взвешивал эти предположения.

- Первая константа, если можно так выразиться, - продолжал он, - на которой следует остановиться: квартал. Ясно, что убийца его знает прекрасно, до мельчайших закоулков. Именно из-за этого знания улиц, освещенных и темных участков, расстояния между двумя определенными точками его не только не поймали, но и ни разу не видели.

- Газеты полны заявлений свидетелей, видевших его. Мы их всех допросили. Например, женщина с улицы Рашель категорически и претенциозно заявила, что он высокий, худой, в желтом плаще и фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Но это портрет типичного убийцы, и мы в полиции не очень-то доверяем подобным описаниям. Кроме того, оказалось, что из окна ее квартиры не видно места происшествия. Показания мальчика более серьезные, но уж слишком неопределенны, чтобы их можно было использовать.

Речь идет об убийстве на улице Дюрантин. Вы помните? Тиссо утвердительно кивнул.

- Короче говоря, этот человек отлично знает квартал, и поэтому все считают, что он там живет. Это создает там чрезвычайно нервную обстановку. Мы уже получили сотни писем о совершенно нормальных людях.

Мы проверили каждую версию, что он не живет в квартале, а работает.

- Адская работа.

- Это занимает много времени. Я не говорю уже о поисках в наших досье, списках преступников, всех маньяков, которые нам известны на сегодняшний день. В вашу больницу, как и в другие, наверное, уже пришел запрос о всех выписанных за последние годы.

- Мои сотрудники ответили на него.

- Подобные запросы были разосланы по всей стране, за границу, всем лечащим врачам, имевшим частную практику.

- Вы говорили о какой-то второй константе...

- Вы, конечно, видели фотографии жертв в газетах. Все они опубликованы в разные дни. Я не знаю, сравнивали ли вы их?

Тиссо вновь кивнул головой.

- Все женщины - уроженки разных мест. Одна из них родилась в Мюльхаузене, другая - на юге страны, третья - в Бретани, две - в Париже или его пригороде. С точки зрения их профессий, наконец тоже ничего общего: проститутка, акушерка, швея, служащая почты и домохозяйка. Не все они живут в этом квартале. Мы установили, что они незнакомы и наверняка никогда не встречались.

- Я никогда не представлял себе, что все это так сложно.

- Мы пошли дальше. Мы убедились, что они не посещали одну и ту же церковь или магазин, что у них не было одного и того же лечащего врача или дантиста, что они не ходили в один и тот же день в кино или на танцы. Когда я говорил вам о затраченном на это времени...

- Это что-нибудь вам дало?

- Нет. Я и не ждал, что это что-нибудь даст, но я должен был проверить. Мы не имеем права оставлять без внимания хоть малейшую возможность.

- Вы думали об их отпусках?

- Я вас понял. Они могли проводить их в одном месте, в деревне или на море, но это ничего не дало.

- Случайно ли убийца выбрал именно их или нет? Мегрэ был убежден, что профессор Тиссо не верит в это, и вывод его сходен с мнением Мегрэ.

- Нет. Совсем нет. Женщины, как я говорил, при внимательном рассмотрении фотографий, оказывается, имеют кое-что общее. Это их комплекция. Если не будете смотреть на лица, а рассматривать их силуэты, вы заметите, что все они низенькие и пухленькие, почти полные, с сильно развитыми бедрами, даже у Моники Жюто, самой молодой из них.

Пардон и профессор переглянулись, и Пардон сказал:

- Я выиграл: он тоже заметил это! Тиссо засмеялся.

- Примите мои поздравления, комиссар. Мне нечего добавить.

Поколебавшись, он пояснил:

- Мы с Пардоном говорили об этом: заметит ли полиция эту особенность.

Отчасти поэтому, кроме того, я уже давно желал познакомиться с вами, он и пригласил меня на этот вечер.

В течение всего разговора они стояли. Доктор с улицы Пиклюс предложил всем сесть у окна. Дождь все еще шел. Мелкие капли, казалось, покрыли дорогу черным лаком.

На этот раз Мегрэ заговорил первым.

- Знаете, господин профессор, меня больше всего волнует вопрос, решение которого позволило бы мне поймать убийцу.

- Я вас слушаю.

- Этот человек далеко не ребенок. Он уже прожил двадцать, может быть, тридцать лет, не совершая преступления. И вот в течение шести месяцев он пять раз убивает. Я задаюсь вопросом: что же послужило толчком? Почему второго февраля он внезапно из безобидного гражданина превратился в опасного маньяка? Вы, ученый, можете объяснить это?

Тиссо опять усмехнулся и переглянулся со своим коллегой.

- Нас, ученых, наделяют такими познаниями и возможностями, которыми мы, увы, подчас не обладаем. И тем не менее, я постараюсь ответить не только относительно начального толчка, но и всего случая в целом. Я попробую избегать научных и специальных терминов, так как зачастую они служат для прикрытия нашего невежества. Не так ли, Пардон?

Должно быть, он намекнул на одного из своих коллег, которого оба знали.

- После подобной серии преступлений каждый утверждает в мысли, что речь идет о маньяке или идиоте. Грубо говоря, это так. Убить пять женщин таким образом, без всяких видимых причин и к тому же разрезать их одежду - это никак не согласуется с тем понятием нормального человека, как мы его себе представляем. Что касается вопроса, почему и как все это началось, то мы располагаем слишком скудными данными, чтобы на него ответить.

Почти каждую неделю меня вызывают в суд присяжных в качестве эксперта. На протяжении моей карьеры я наблюдал, как понятие ответственности в уголовном праве меняется с такой быстротой, что наши концепции правосудия уже почти поколебались.

Когда-то нас спрашивали:

- Отвечал ли он за свои действия во время совершения преступления?

И слово "ответственность" имело ясное и четкое значение.

Теперь же нас заставляют измерять ответственность человека чуть ли не в идеале, и у меня часто возникает ощущение, что не судья и присяжные выносят приговор, а мы, психиатры.

Между тем в некоторых случаях мы знаем не больше, чем любой профан.

Психиатрия - наука, где определяющую роль играют травматизм, опухоли, ненормальные изменения того или иного органа.

В этих случаях мы можем с уверенностью сказать, здоров человек или болен, несет он ответственность или нет.

Но эти случаи редки, к тому же большая часть таких индивидуумов находится в больницах.

Почему же другие, как, возможно, и тот, о ком мы говорим сейчас, отличаются от себе подобных? Я считаю, комиссар, что вы знаете об этом столько же, если не больше, чем мы.

Мадам Пардон подошла к ним с бутылкой арманьяка:

- Продолжайте беседу, господа. Мы тоже заняты, обмениваемся кулинарными рецептами. Не желаете немного ар-маньяка, профессор?

- Охотно. Налейте мне половину рюмки.

Они проговорили до часу ночи. Их освещал такой же мягкий, как и непрекращавшийся дождь, свет. Беседа время от времени уходила в сторону, но каждый раз они возвращались к теме, волновавшей всех.

Мегрэ вспомнил, как Тиссо с иронией сводящего счеты человека сказал:

- Если бы я слепо следовал теориям Фрейда, Адлера и других современных психоаналитиков, я, не колеблясь, заявил бы, что наш человек - сексуальный маньяк, хотя в половом отношении он ни одной из жертв и не тронул. Можно говорить и о комплексе неполноценности, сформировавшемся в раннем детстве...

- Вы отбрасываете это объяснение?

- Я ничего не отвергаю, но я не хватаюсь за решение, которое лежит на поверхности.

- А какой-нибудь собственной теории у вас нет?

- Теории нет, идея, может быть. Но я побаиваюсь вам открыться, так как не забываю, что ответственность за расследование лежит на ваших плечах, хотя они и шире моих. Вы сын крестьянина, не так ли?

- Из Алье.

- А я из Канталя. Отцу восемьдесят восемь лет, и он все еще живет на ферме.

Казалось, этим он гордится больше, чем своими научными знаниями.

- Через мои руки прошло много сумасшедших и полусумасшедших, совершивших преступления. Применяя ваш термин, у них была одна константа: потребность, сознательная или нет, самоутвердиться. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мегрэ кивнул.

- Почти все они в своей среде, справедливо или нет, проходили через оскорбление, унижение и становились личностями хрупкими, заурядными и отсталыми. Какой механизм приводит это постоянное унижение к взрыву, бунту в форме преступления, убийству, жесту отчаяния или бравады? Ни мои коллеги, насколько я знаю, ни я сам этого еще не установили. Возможно, то, что я выразил в нескольких словах, и не совсем правильно, но убежден, что большая часть, так сказать, безмотивных преступлений, а тем более серии преступлений - это открытое проявление гордыни.

Мегрэ задумался.

- Это совпадает с одним моим предположением, - пробормотал он.

- Каким?

- Если преступник рано или поздно не проявлял потребности похвастаться своими делами, то он не попал бы в конечном счете за решетку. Знаете, где мы ищем "автора" убийства с целью ограбления?

Раньше в публичных домах, теперь, когда их больше не существует, в постелях более или менее публичных девок. Вы бы посмотрели на них! Они были уверены, что в безопасности, и, если бы это было другое преступление, были бы правы. А тут они начинают рассказывать да еще приукрашивают.

- Вы проверили и это?

- Нет ни одной девки в Париже, тем более в секторе Клиши и Монмартра, которую бы мы не допросили в эти месяцы.

- Это что-нибудь дало?

- Нет.

- Да, плохи ваши дела.

- Вы хотите сказать, что, не имея отдушины, он неизбежно сорвется?

- Примерно.

За последнее время Мегрэ изучил все нашумевшие преступления, имевшие аналогию с совершенными в восемнадцатом округе Парижа, начиная с Джека Потрошителя и кончая Вампиром из Дюссельдорфа, включая фонарщика из Вены и поляка из Зона.

- Вы думаете, он сам никогда не остановится? - спросил он.

- Если только не станет жертвой несчастного случая или не умрет. Я скажу больше, комиссар, и не как главный врач лечебницы Святой Анны, поскольку я слишком удалюсь от официальных теорий.

Индивидуумы, вроде наших, движимы потребностью дать себя поймать, и это тоже форма гордости, бахвальства. Мысль о том, что окружающие считают их обыкновенными, заурядными, для них невыносима. Им необходимо крикнуть всему миру о своем существовании, о своих способностях. Это не значит, что они нарочно дают себя поймать, но почти всегда, по мере увеличения числа преступлений, долгих месяцев предосторожности у них появляется пренебрежение к полиции, к своей судьбе. Некоторые даже признавались, что арест принес им облегчение.

- Да, я слышал нечто в этом роде.

- Вот видите!

Кого осенило первым? Вечер был долгим, они разбирали проблему со всех сторон, и непосвященному было бы трудно понять, кто из них врач, а кто сыщик. Может быть, решение было предложено профессором Тиссо, но так незаметно, что далее Пардон не обратил на это внимания.

Было уже за полночь, когда Мегрэ, как бы разговаривая сам с собой, пробормотал:

- А что если арестовать кого-нибудь другого, представить его вместо убийцы, отнять у него то, что он считает своей славой...

Вот и пришло решение.

- Я уверен, что ваш человек попадется на удочку, - ответил Тиссо.

- Остается узнать, как он отреагирует. И когда.

Мегрэ зашел далеко, пренебрегая теорией в поисках практического решения. Никаких данных о преступнике нет. Далее примет. До сих пор он действовал в одном квартале, но ничто не давало оснований полагать, что завтра он не окажется в другой точке Парижа.

Неясность, неопределенность делали эту угрозу еще более мучительной.

Произойдет ли следующее убийство через месяц? Или через три дня? Нельзя же до бесконечности патрулировать каждую улицу Парижа, осматривать каждый дом. Сами женщины, забываясь после каждого убийства в свои квартиры, затем вновь возвращались к обычной жизни. Они рисковали, считая, что опасность миновала.

- Мне известны два случая, - начал Мегрэ, - когда преступники писали в газеты, протестуя против ареста невинных людей.

- Писавшие были движимы тем, что я называю эксгибиционизмом, желанием выставиться напоказ.

- Нам бы это помогло.

Далее письмо, составленное вырезанными из газет словами, могло бы послужить отправной точкой следствия.

- Вполне возможно, что он поступит по-другому...

- Об этом стоит подумать.

Все очень просто: сразу после ареста так называемого виновного совершить сходное с предыдущим убийство. Может быть, даже два, три...

Они расстались на улице, у машины профессора. Тот вместе с лесной возвращался в Виль д'Аврай.

- Вас подвезти?

- Мы живем рядом и привыкли ходить пешком.

- Мне кажется, это дело потребует моих услуг в суде присяжных как эксперта-психиатра.

- В том случае, если я поймаю убийцу.

- Я верю в вас.

Они пожали друг другу руки, как старые друзья.

- Жаль, что тебе не удалось поговорить с женой профессора, - сказала комиссару жена, когда они шагали в направлении своего дома. - Таких умных женщин я еще не встречала. А тебе понравился ее муле?

- Да, очень приятный человек.

Мадам Мегрэ сделала вид, что не замечает, как комиссар, расшалившись, словно ребенок, высунул язык и пытался поймать капельки морозящего дождя.

- Похоже, у вас была серьезная беседа.

- Да.

Они молчали до самого дома. Войдя в квартиру, мадам Мегрэ прежде всего закрыла распахнутые настежь окна, а затем вытерла небольшую лужу воды на паркете.

Может быть, утром, еще во сне, пришло это решение. По странной случайности Пьер Мазет, его бывший инспектор, которого он не видел восемь лет, наутро появился в его кабинете.

- Что ты делаешь в Париже?

- Ничего, шеф. Прихожу в себя. Африканские комары совсем доконали меня. Врачи настояли, чтобы я отдохнул несколько месяцев. А потом, я подумал, может, мне найдется тут какое-нибудь местечко.

- Черт возьми!

А почему бы и не Мазет? Он умен, его никто не знает.

- Ты хочешь оказать мне услугу?

- Вы еще спрашиваете!

- Зайди в середине дня, пообедаем вместе.

Только не в пивной "Дофин", там это не пройдет незамеченным.

Да не заходи сюда, иди погуляй и леди меня у метро "Шателе".

Они пообедали в ресторане на улице Сент-Антуан, и комиссар объяснил, что ему надо. Теперь для пущей правдоподобности было необходимо, чтобы Мазета доставили люди не из уголовной полиции, а из восемнадцатого округа, и комиссар подумал о Лоньоне. Кто знает? Может быть, дать ему шанс принять непосредственное участие в расследовании, а не патрулировать улицы Монмартра.

- Выберите кого-нибудь из своих коллег, кто не слишком разговорчив.

Лоньон выбрал Альфонси.

Разыгранная комедия имела полный успех: все газеты говорили о сенсационном аресте.

Мегрэ продолжал втолковывать судье Комельо:

- Они просто видели, как кто-то входил, кто-то выходил, и сделали свои выводы. Ни я, ни мои сотрудники не делали никаких заявлений, далее, наоборот, все отрицали.

Улыбка, редкая гостья, появилась на лице Комельо.

- А если люди отбросят все предосторожности, и сегодня или завтра будет совершено новое убийство?

- Я подумал об этом. Все последующие вечера, все имеющиеся в нашем распоряжении силы будут задействованы в том квартале.

- Мне кажется, это уже было, и безрезультатно. Это так, но неужели нельзя попытаться еще раз?

- Я предпринял еще одну предосторожность. Я был у префекта полиции.

- Не посоветовавшись со мной?

- Как я вам уже говорил, я хочу нести ответственность за последствия один. Я всего лишь полицейский. Вы же - высшее должностное лицо, судья.

Эти слова польстили Комельо, больше всего на свете заботившемуся о своем положении.

- "• Что вам нужно было от префекта?"

- Разрешение использовать в добровольном порядке несколько женщин из муниципальной полиции.

Это вспомогательное подразделение занималось профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних и борьбой против проституции.

- Необходимо было отобрать отвечающих определенным данным.

- Например?

- Рост и полнота. Из добровольцев я выбрал тех, кто по своему телосложению походит на жертвы. Они, как те пять женщин, будут одеты неброско. И походить на женщин, возвращающихся домой. В руках - сверток или сумочка.

- Одним словом, вы ставите капкан.

- Все, кого я выбрал, обучены приемам дзюдо. Комельо казался все же встревоженным.

- Сообщить ли мне об этом генеральному прокурору?

- Лучше не надо.

- Знаете, комиссар, мне это не нравится. С обезоруживающей улыбкой Мегрэ ответил:

- Мне тоже, господин судья! Это было правдой.

Действительно, почему бы не попытаться всеми возможными средствами остановить эту бойню?

- Официально я не в курсе дела, - сказал судья, провожая комиссара до двери.

- Вы абсолютно ничего не знаете.

Мегрэ предпочел бы, чтобы это действительно было так.

ГЛАВА III

КВАРТАЛ НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Репортер Барон, прошедший в уголовной полиции столько же лет, сколько и Мегрэ, малыш Ружин, совсем молодой, но более настырный и продувной, чем его коллеги, четверо или пятеро масштабом помельче, в том числе и Маги, никогда не упускавшая случая с невинным видом заглянуть в дверь или полистать бумаги на столе, один или два фотографа провели большую часть дня в коридоре префектуры, избрав ее своим наблюдательным пунктом.

Уходя перекусить в пивную "Дофин" или звонить, они всегда оставляли кого-нибудь. Дверь кабинета Мегрэ была под постоянным наблюдением.

Ружин, кроме того, поставил своего человека у дверей дома Лоньона, который повсюду следовал за полицейским с самого утра.

Эти люди, по их собственному выражению, знали эту "кухню", разбирались в делах полиции не хуже иного инспектора.

Однако вряд ли кто из них догадывался об операции, разворачивающейся у них на глазах, беготни с раннего утра, задолго до визита Мегрэ к судье Комельо. Не случайно же сотрудники таких дальних округов, как двенадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый, пришли переодетые, некоторые с чемоданами, корзинами и, согласно полученным указаниям, имели вид приезжих.

Жара была тягостной, жизнь города, за исключением районов, посещаемых туристами, замерла. Изредка проезжали автобусы, заполненные иностранцами, да слышались голоса гидов.

В восемнадцатом округе, особенно в секторе, где было совершено пять убийств, у гостиниц останавливались такси, выходящие из них были очень похожи на провинциалов, и все они требовали комнату непременно с окнами на улицу.

Все это происходило по заранее разработанному плану, и некоторые инспектора приехали даже с женами.

Редко принимались такие предосторожности. Но на этот раз разве можно доверить кому-нибудь тайну происходящего? Ведь никаких сведений о преступнике нет. Кстати, и этот вопрос Мегрэ и Тиссо обсуждали на ужине у Пардона.

- В целом он ведет себя нормально, исключая эти припадки, иначе его странности могли бы привлечь внимание окружающих его людей.

- Обязательно, - согласился психиатр. - Однако по своей внешности, привычкам, профессии он может быть человеком, которого можно меньше всего заподозрить.

Речь не шла о сексуальных маньяках, те были известны, а со второго февраля за ними следили, но безрезультатно. Он не был и бродягой, из тех, на кого оглядываются на улице.

Чем занимался он до первого убийства? Что делал между другими?

Был ли он холостяком, живущим в меблированных комнатах?

Мегрэ рассудил, что нет, он женат, ведет обычную жизнь, и Тиссо с этой гипотезой согласился.

- Все возможно, - вздохнул профессор. - Если мне скажут, что это один из моих коллег, я протестовать не буду. Да, может, это и не важно, кто он: рабочий, служащий, мелкий коммерсант или важное должностное лицо.

Это мог быть и один из владельцев отелей, куда приехали переодетые полицейские. И поэтому они не могли сказать как раньше:

- Полиция! Комнату с окнами на улицу - и никому ни слова!

Нельзя было больше доверять и консьержкам. Даже осведомителям, живущим в квартале.

По пути от Комельо Мегрэ перехватили журналисты.

- Вы ходили к судье за инструкциями?

- Я нанес ему обычный каждодневный визит.

- Вы поставили его в известность о вчерашнем допросе?

- Мы просто поболтали.

- Вы так ничего и не скажете?

- Мне нечего сказать.

И он прошел к шефу. Рапорт продолжался довольно долго. Патрон был озабочен.

- Комельо не требовал, чтобы вы отказались?

- Он, кажется, махнул на меня рукой.

- Вы берете ответственность на себя?

- Да, так будет лучше.

Мегрэ не обманывался, хотя и был доволен: он ощущал груз того, что он на себя брал.

- Вы уверены, что репортеры не подозревают, как вы водите их за нос?

- Я сделал все возможное для этого. Обычно Мегрэ работал в тесном контакте с прессой, и она никогда не оставалась в долгу. Но на этот раз он не имел права рисковать, невольно проговорившись о чем-нибудь. Даже полицейские, следившие за кварталом Гранд-Карьер, не были посвящены в детали дела. Они получили приказ вести себя таким-то образом, поселиться в

таком-то месте и ждать инструкций. Они, конечно, догадывались, что все это связано с убийцей, но ничего не знали о самой операции.

- Вы считаете его умным? - спросил Мегрэ профессора Тиссо в тот вечер.

У него уже было свое мнение, но он любил получать подтверждение.

- Он настолько же разумен, как и все подобного рода люди. Например, он должен быть способен инстинктивно играть комедию таким потрясающим образом. Если, предположим, он женат, то обязан, например, сохранять обычное обличие, не говоря уже о его выдержке, когда возвращается к себе после совершения преступления. Если же холостяк, то не отличается от остальных людей: есть же у него домохозяйка, консьерж, кухарка? Утром приходит в свое бюро, ателье, и там обязательно есть люди, которые говорят об убийце с Монмартра. Однако за целых шесть месяцев никто его не заподозрил.

За это время он ни разу не ошибся в выборе места и времени. Ни один свидетель не мог с уверенностью сказать, что видел его в действии или, по крайней мере, на месте преступления.

Это соображение порождало еще один вопрос, волновавший комиссара:

- Мне хотелось бы услышать ваше мнение по следующему аспекту. Вы говорите, что основное время он ведет себя вполне нормально и, конечно, думает более или менее как нормальный человек, ведь так?

- Я понимаю. Возможно.

- Пять раз у него было то, что я называю кризисом, пять раз разум покидал его, и он убивал. Когда происходит этот взрыв? Вы понимаете, что я хочу сказать? Когда он переставал вести себя, как мы с вами, и превращался в убийцу? Происходило ли это в любое время дня, и он лишь ждал ночи, готовя план преступления? Или, наоборот, - этот взрыв происходил случайно или под воздействием каких-либо обстоятельств, неожиданно или проходя по безлюдной улице, он поджидал свою возможную жертву?

Для него ответ имел огромную важность, так как мог сократить или расширить круг поисков.

Если взрыв происходил в момент убийства, тогда этот человек должен был жить в Гранд-Карьер или рядом, или, по крайней мере, проводить там вечер, на работе или благодаря каким-нибудь другим банальным причинам. В противном случае он мог прийти откуда угодно и выбрал эти улицы, от площади Клиши до улицы Ламарк и улицы Аббес, по воле случая или по причинам, только одному ему известным.

Прежде чем ответить, Тиссо долго размышлял:

- Я не могу поставить точный диагноз, как если бы пациент был передо мной.

Он сказал пациент, словно речь шла об одном из его больных. Это не ускользнуло от комиссара и понравилось ему. Это подтверждало, что оба они рассматривают трагедию с одной точки зрения.

- На мой взгляд, однако, если применять сравнение, у него бывают моменты, когда он отправляется на охоту, как рысь, пантера или обычная кошка. Вы когда-нибудь наблюдали за кошкой?

- В молодости очень часто.

- Она сжимается, все ее чувства напряжены, начеку. Она становится способной воспринимать малейший звук, колебание, самый слабый запах на огромном расстоянии. С этого момента она чувствует опасность и уклоняется от нее.

- Понимаю.

- Примерно то же самое происходит и в нашем случае. В подобном состоянии он как бы обладает двойным зрением.

- И ничто не подсказывает вам, что же приводит этот механизм в действие?

- Ничего. Это может быть воспоминание, взгляд прохожего в толпе, запах каких-нибудь духов, случайно услышанная фраза. Это может быть все что угодно, включая вид ножа или цвет платья. Кстати, о цвете одежды, которую носили жертвы. Газеты не упоминали об этом.

- Она была различного, почти нейтрального цвета. Такой трудно различить ночью.

Вернувшись в свой кабинет, Мегрэ, как обычно, снял пиджак, галстук, расстегнул ворот рубашки. Солнце падало прямо на его кресло, и он опустил штору. Потом открыл дверь в кабинет инспекторов.

- Жанвье, ты здесь?

- Да, шеф.

- Ничего нового? Никаких анонимных писем?

- Только доносы на соседей.

- Проверьте. Приведите Мазета.

Вчера тот покинул Дворец правосудия через потайную дверь. С восьми часов утра он должен был занять свое место в тюрьме Сурисьер.

- Мне сходить за ним самому?

- Это было бы лучше всего.

- Опять без наручников?

- Да.

На этот раз он не хотел жульничать с журналистами. Из того, что они увидят, пусть делают, какие хотят заключения, Мегрэ не хотел пока путать карты.

- Алло! Дайте, пожалуйста, комиссариат Гранд-Карьер... Инспектора Лоньона... Алло! Лоньон? Что там нового?

- Какой-то тип все утро ждал меня около кабинета и все время ходил за мной. Теперь торчит перед комиссариатом.

- Он не прячется?

- Нет. Я думаю, это журналист.

- Пусть проверят его документы. Все идет по плану?

- Я нашел три комнаты у друзей. Их совсем не интересует, зачем они мне. Вам дать адреса?

- Не надо. Будь у меня минут через сорок пять.

А в коридоре повторилась вчерашняя сцена. Пьер Мазет со шляпой перед лицом в сопровождении двух инспекторов. Защелкали фотоаппараты.

Журналисты обрушили град вопросов, опять оставшихся без ответа. Маги выбила шляпу, и Мазет был вынужден закрываться руками.

Дверь закрылась, и кабинет Мегрэ превратился в командный пункт.

Бесшумная операция на безмятежных улицах Монмартра, где по случаю летних отпусков все главные магазины были закрыты, продолжалась. В ней принимали участие более четырехсот человек. Их роль заключалась в том, чтобы наблюдать за происходящим не только в отелях и квартирах, где они могли располагаться без боязни быть раскрытыми, но также на определенных постах на станциях метро, остановках автобусов, в многочисленных бистро и ночных ресторанах.

Чтобы это не походило на захват квартала, операция велась поэтапно.

Женщины из вспомогательного отряда по телефону получили подробные инструкции. На плане квартала было отмечено местонахождение каждого сотрудника.

Двадцать инспекторов из числа тех, кто нечасто показывается на людях, арендовали не только в Париже, но и в его пригородах, вплоть до Версаля, автомобили с невинными номерами, которые

при необходимости могли останавливаться в стратегических пунктах, ничем не отличаясь от других.

- Попроси принести пива, Люка.

- И бутербродов?

- Да, хорошо бы и бутербродов.

Это было сделано не для того, чтобы уверить журналистов, что это новый допрос, а потому, что все действительно были заняты, и просто не было времени пойти пообедать.

Приехал Лоньон в своем обычном красном галстуке и соломенной шляпе.

Удивительно, насколько цвет галстука меняет человека. У Лоньона был почти игривый вид.

- Твой тип следил за тобой?

- Да. Он в коридоре. Точно, это репортер.

Первая газета появилась около полудня. Она повторяла информацию утренних выпусков, добавляя, что на набережной Орфевр продолжает царить лихорадка и что тайна вокруг арестованного еще больше сгустилась.

Среди прочего там была такая фраза: "Если бы полиция могла, она надела бы на пленника железную маску".

Это позабавило Мазета. Он помогал другим, сам звонил по телефону, что-то чертил голубым и красным карандашом на картах. Он был счастлив, вновь дыша атмосферой этого бывшего для него родного дома.

Обстановка изменилась, когда в дверь постучал гарсон из пивной "Дофин", и только для него вновь была разыграна сценка, после чего все принялись за пиво и бутерброды.

Послеобеденные газеты не напечатали никакого послания убийцы, который, казалось, не имел ни малейшего желания обращаться к прессе.

- Я немного отдохну, ребята. Мне необходимо быть свежим и бодрым в этот вечер.

Мегрэ прошел через кабинет инспекторов, зашел в маленький пустой кабинет. Там он устроился в кресле и несколько минут спустя уже спал.

В три часа он отправил Мазета в Сурисьер и приказал Жанвье и Люка немедленно отправляться отдыхать. Что касается Лапуэнта, то он, одетый в голубой комбинезон, на трехколесном велосипеде разъезжал по улицам квартала Гранд-Карьер. Фуражка, сдвинутая на ухо, прилипшая к нижней губе сигарета придавали ему вид восемнадцатилетнего парня. Время от времени он останавливался у какого-нибудь быстро выпить стакан минеральной воды и позвонить в штаб-квартиру.

По мере того, как шло время, нервозность усиливалась, да и сам Мегрэ понемногу терял уверенность.

Ничто не указывало на то, что в этот вечер что-нибудь произойдет.

Однако, если убийца решится совершить преступление, чтобы подтвердить свое существование, оно могло произойти и завтра вечером, и послезавтра, через восемь или десять дней. Но держать такие большие силы в состоянии тревоги столь продолжительное время было невозможно.

К тому же немислимо в течение недели сохранить секрет операции, в которую посвящено столько народа.

А если убийца решит действовать сейчас же?

Из головы Мегрэ все не выходил разговор с профессором Тиссо, и его отрывки каждую секунду приходили ему на ум.

В какой момент возникнет импульс? В этот час, когда они заняты расставлением западни, для всех окружающих он обычный человек. С ним разговаривают, прислуживают за столом, пожимают руку. Он тоже беседует, улыбается, может быть, смеется.

А вдруг импульс уже был? Сегодня утром во время чтения утренних газет? Не скажет ли он себе, что, поскольку полиция поймала, как она считает, виновного, то он в безопасности?

Где доказательства того, что Тиссо и комиссар не ошиблись и правильно рассчитали реакцию своего "пациента"?

До сих пор он убивал только вечером, когда мгла падала на землю. Но сейчас, во время отпусков и жары, в Париже предостаточно улиц, где прохожие появлялись с интервалом в несколько минут.

Мегрэ вспомнил улицы юга летом, в час сиесты. Дома с закрытыми ставнями. Разомлевший город или деревня под палящими лучами солнца.

Полиция имела кое-что в запасе.

Топография каждого места преступления была такова, что убийца имел возможность скрываться в минимум времени. И ночью быстрее, чем днем. Но даже в разгар дня при благоприятных условиях он мог убить, разрезать одежду на жертве и исчезнуть менее, чем за две минуты.

В конце концов почему это должно произойти на улице? Что помешает ему постучать в дверь квартиры одинокой женщины и действовать так же, как и на улице? Ничего. Только маньяки, а ими является большая часть преступников и особенно воров, применяют ПОЧТИ ВСЕГДА одну и ту же технику и повторяют ее в основных деталях.

Темнеть начнет только к девяти часам вечера, а окончательно станет темно лишь в половине десятого. Луна в своей третьей четверти будет, вероятно, светить тускло, время от времени скрываясь за тучами.

Все эти детали имели свое значение.

- Они все еще в коридоре? - Только Барон.

Журналисты вели наблюдение по очереди, договорившись о том, что тот, кто дежурил, предупредит остальных, если произойдет что-то необычное.

- В шесть часов каждый уйдет, как обычно, останется только Люка.

Часам к восьми к нему присоединится Торранс.

В компании с Жанвье, Лоньоном и Мовуазеном комиссар направился в пивную "Дофин".

В семь часов он возвратился домой и поужинал на кухне, окно которой выходило на тихий в это время года бульвар Ришар-Ленуар.

- Тебе, видимо, пришлось попотеть, - заметила мадам Мегрэ, рассматривая рубашку мужа. - Если ты снова пойдешь работать, то лучше переоденься.

- Да, я должен идти.

- Он не признался?

Мегрэ предпочел не отвечать, так как не привык лгать своей жене.

- Ты поздно вернешься?

- Вполне возможно.

- Как, по-твоему, после этого дела ты можешь взять отпуск?

Еще зимой они хотели поехать в Безек-Конк в Бретани, что возле Конкарно, но, как это случалось каждый год, срочные дела заставляли Мегрэ переносить отпуск на более поздние сроки.

- Может быть! - вздохнул комиссар.

В противном случае, это означало бы, что ему не удастся успешно завершить расследование, что убийца проскользнет мимо расставленной для него западни или что он будет действовать не так, как предполагали Тиссо и комиссар. Это также означало бы, что появятся новые жертвы, публика и пресса будут упрекать полицию в бездействии, судья Комельо будет иронизировать и буйствовать, а Мегрэ придется давать неприятные объяснения начальству и в более высоких инстанциях.

- Ты выглядишь усталым.

Мегрэ не спешил уходить из дома. После ужина он принялся расхаживать взад и вперед по квартире, курил трубку и не решался налить себе стаканчик сливянки. Иногда он останавливался перед окном и задумчиво смотрел на улицу.

Мадам Мегрэ не обращалась к нему с вопросами. Только когда он начал искать пиджак, она принесла ему свежую рубашку и помогла ее надеть. Она видела, хотя Мегрэ и старался сделать это незаметно, как он открыл ящик стола и вынул оттуда пистолет, который быстро положил в карман.

Он редко брал с собой оружие. У него не было никакого желания убивать кого бы то ни было, даже такого опасного типа, как этот маньяк. Тем не менее он приказал всем сотрудникам иметь при себе оружие и защитить любой ценой в случае опасности женщин из отряда муниципальной полиции. В префектуру он не поехал. К девяти часам он добрался до бульвара Вольтера, где сел в поджидавшую его гражданскую машину. Человек за рулем был в униформе таксиста и работал в комиссариате восемнадцатого округа.

- Поехали, шеф?

Мегрэ устроился на заднем сиденье, скрытый темнотой. Машина ничем не отличалась от тех, что весь день снуют у площади Мадлен или площади Оперы.

- Площадь Клиши?

- Да.

По дороге он молчал и только на площади Клиши пробормотал:

- А теперь вверх по улице Коленкур, только не очень быстро, как будто ты читаешь номера домов.

Улицы по соседству с бульваром были еще оживленными, и почти везде из окон выглядывали люди, наслаждавшиеся ночной прохладой. Довольно много жителей сидело на верандах кафе и ресторанов, где обслуживали клиентов прямо на тротуаре.

Казалось невероятным, что преступление может совершиться в таких условиях. И тем не менее обстановка была почти такая же, что и при убийстве Жоржетты Лекуэн, последней из жертв: она была убита на улице Толозе, менее чем в пятидесяти метрах от танцплощадки, под неоновой вывеской, освещавшей место преступления красным светом.

Для того, кто знает квартал досконально, известно, что совсем рядом с его шумными артериями имеются сотни безлюдных улочек, закоулков и тупиков, где нападение может быть совершено без опаски.

Две минуты. Подсчитали, что убийство может быть совершено за две минуты, а если быть чуточку порасторопней, то и того быстрее.

Что толкает его после преступления еще и разрезать на жертве одежду?

Он не прикасался к жертвам. Для него не существует сексуального вопроса, как в некоторых уже известных случаях. Он рассекает одежду широкими взмахами ножа, как будто в ярости, как ребенок, ожесточившийся на куклу и топчущий ее ногами.

Тиссо тоже говорил об этом, но с недомолвками. Он испытывал искушение принять некоторые теории Фрейда и его последователей, но чувствовал, что это было бы слишком просто.

- Необходимо знать его прошлое, включая детство, найти первый удар, о котором он сам, может быть, уже забыл...

Каждый раз, когда он думал об убийце, Мегрэ охватывало лихорадочное нетерпение. Он стремился представить его лицо, четкие черты, материальное воплощение этого беспредметного существа, которого называли убийцей, сумасшедшим, чудовищем, которого Тиссо, наконец, невольно, как бы оговорившись, назвал пациентом".

Мегрэ бесило его собственное бессилие. Ему брошен вызов. И он желал бы оказаться лицом к лицу с ним, неважно где, пристально посмотреть прямо в глаза и сказать:

- Ну, а теперь говори...

Ему просто необходимо было найти его. Ожидание томило, мешало сосредоточиться в главных деталях.

Машинально он отмечал людей на местах, куда он их поставил. Он не знал их всех. Многие не относились к его службе. Он знал только, что человека за занавеской зовут так-то, а женщина, идущая сейчас мимо, запыхавшаяся, возвращающаяся невеста откуда неровной из-за высоких каблуков походкой, из вспомогательного отряда.

С февраля, со времени первого убийства, этот человек переносил следующее на более поздний час, начиная с восьми часов и кончая без четверти десять вечера. А как будет теперь, когда дни стали укорачиваться и ночь наступает раньше?

С минуты на минуту можно было ожидать крика прохожего, натолкнувшегося на труп на тротуаре: ведь все предыдущие жертвы были найдены через несколько минут, и лишь одна - через четверть часа.

Машина пересекла улицу Ламарк, сектор, где еще ничего не случилось.

- А дальше что, шеф?

- Выезжай на улицу Аббес.

Он мог бы поддерживать связь со своими сотрудниками, будь он в машине с передатчиком. Но это привлекло бы внимание.

Кто знает, не проверяет ли он часами перед очередным нападением всех, проходящих через квартал?

Почти всегда известно: убийца относится к такой-то и такой-то категории. Даже если нет никаких примет, всегда имеется какая-то версия о нем вообще, о социальной среде, в которой он обитает.

- Хоть бы в этот вечер не было убийства! Он молил Бога, как когда-то в детстве перед сном, но это не успокаивало.

- Вы видели?

- Что?

- Пьяницу у газового рожка?

- Кто это?

- Один из моих приятелей, Дютило. Он обожает играть, и всегда пьяниц Без четверти десять. Ничего не произошло.

- Остановись у пивной "Пигаль".

Заказав на ходу пива, Мегрэ закрылся в телефонной кабине и позвонил в уголовную полицию. Трубку снял Люка.

- Ничего?

- Пока ничего. Только одна девка с жалобой на обругавшего ее иностранного моряка.

- Торранс с тобой?

- Да.

- Барон?

- Он собирался идти спать.

Час, когда было совершено последнее убийство, прошел. Означало ли это, что его больше заботил час суток, чем темнота? Или ложный арест не произвел на него никакого впечатления?

Посмотрев на машину, Мегрэ иронически усмехнулся, и эта ирония относилась к нему самому. Кто знает? Может, тот, кого он выслеживает на улицах Монмартра, сейчас в отпуске, нежится на пляже Кальвадос или в провинции, в пансионате для семейных.

С каждым мгновением отчаяние все сильнее охватывало его. Усилия его самого и его коллег казались тщетными, почти нелепыми.

На чем основывалась эта операция, отнявшая столько времени в сил?

Ни на чем. Меньше, чем ни на чем. На своего рода озарении, снизошедшем на него после сытного обеда, во время болтовни с профессором Тиссо в уютной гостиной на улице Пикпюс.

И не был ли сам Тиссо растерян, принимая довод Мегрэ?

А если этот человек не был одержим никакой спесью, желанием утвердиться?

Те слова, которые он произнес так, словно делал открытие, теперь вызывали отвращение.

Он много думал. Много работал над проблемой. Больше он в нее не верил и почти не сомневался в реальном существовании убийцы.

- Куда, шеф?

- Куда хочешь.

Удивление, которое он прочитал в глазах этого человека, заставило его взять себя в руки, страхнуть отчаяние. Ему стало стыдно. Он не имел права показывать перед сослуживцами, что он потерял веру.

- Вверх по улице Лепик до самого конца.

Они проезжали мимо мельницы Галет, и Мегрэ внимательно рассматривал место, где было найдено тело акушерки Жозефины Симмер.

Ситуация была такова: совершено пять убийств, а убийца разгуливал на свободе, возможно готовя новое.

А что, эта пятидесятилетняя женщина без шляпки, идущая вниз по улице с пуделем на поводке, тоже из вспомогательного?

На прилегающих улицах были и другие женщины, рисковавшие в настоящий момент своей жизнью. Они были добровольцами. Это он дал им такое задание. И он должен их защитить.

Все ли предосторожности были приняты?

Днем на бумаге план казался ему безукоризненным. Каждый сектор, хоть немного таящий в себе опасность, был взят под наблюдение. Женщины из вспомогательного отряда были под охраной. Люди, находившиеся на постах, были готовы вмешаться в любой момент.

Но не забыл ли он какого-нибудь закоулка, хоть на минуту выпадающего из-под наблюдения? Отчаяние сменилось страхом, и, если бы это было возможным, он приказал бы отменить все это.

Операция, продолжается ли она? Двадцать два часа. Ничего не произошло и ничего не произойдет, и это будет к лучшему.

На площади Терту - народное гулянье. Вокруг столиков, где подавали вино, толпились люди. Со всех концов площади гремела музыка. И обязательно пожиратель огня. А в толпе - скрипач, пытающийся сыграть в манере 1900 года. А менее чем в ста метрах - пустынные улочки, и убийца мог действовать в полной безопасности.

- Возвращаемся.

- По тому же маршруту?

Было бы лучше придерживаться привычных методов, хотя они действовали и раньше, но за шесть месяцев не принесли никакого результата.

- Давай к площади Константин-Пекер.

- По авеню Жюно?

- Если хочешь.

По улицам медленно прогуливались парочки, и Мегрэ заметил одну, которая целовалась прямо под газовым рожком.

Кафе на площади Константин-Пекер были еще открыты. В окнах квартиры Лоньона света не было. Лоньон, знавший большую часть квартала, сейчас прочесывал, как охотничья собака, улицы, и комиссар представил его с высунувшимся языком и прерывистым дыханием, как у спаниеля.

- Который час?

- Десять минут одиннадцатого. Точнее, двадцать два девять.

- Тише...

Они напряженно прислушивались. Им показалось, что они услышали топот бегущих ног выше авеню Жюно, куда они собирались ехать.

Перед этим было еще что-то: трель свистка, может быть, две.

- Где это?

- Я не знаю.

Было трудно определить направление, откуда доносились эти звуки.

Пока они стояли, мимо них пронеслась маленькая черная машина, принадлежащая уголовной полиции, и на полной скорости свернула к авеню Жюно.

- За ней!

Другие машины, еще несколько минут назад казавшиеся не у дел, рванулись в том же направлении. Две трели, значительно ближе, пронизали ночной воздух. Машина Мегрэ прошла уже пятьсот метров.

Слышались голоса мужчин и женщин. Кто-то бежал по тротуару, а другой силуэт взбирался по каменной лестнице.

Наконец что-то произошло.

ГЛАВА IV

СВИДАНИЕ С "ПРИМАНКОЙ"

Поначалу было совершенно неясно, что же произошло на этих плохо освещенных улочках, и только много позже, когда были собраны более или менее точные показания, удалось составить полную картину.

Мегрэ, как и шофер, гнавший машину на полной скорости по улицам, ставшим похожими на театральные декорации, не мог определить, где они находятся, и только чуть слышная музыка указывала на то, что они недалеко от площади Тертр.

Еще большую путаницу создавало движение в обоих направлениях.

Автомобили, бегущие люди, большая часть которых - полицейские, направлялись к месту где-то около улицы Норвин, в то время как несколько силуэтов, велосипедист, две-три машины спешили в противоположную сторону.

- Туда! - кричал кто-то. - Я его видел там.

Того догоняли, и это оказывался один из тех, кого комиссар заметил по дороге. Ему далее казалось, что в этом маленьком, очень быстро бегущем человеке без шляпы он узнал инспектора Лоньона, но он не был уверен.

В этот момент его больше всего волновало, удалось ли покушение, жива ли женщина, и, когда он увидел наконец толпу людей, стоящих в тени, он первым делом внимательно оглядел землю вокруг.

Он не заметил, чтобы кто-нибудь наклонялся к земле. Они жестикулировали, а на углу улочки неизвестно откуда взявшийся полицейский в форме пытался сдержать поток людей, хлынувший с площади Тертр.

Кто-то, внезапно возникнув из темноты, подошел к нему.

- Это вы, шеф?

Луч карманного фонаря искал его лицо, словно здесь каждый подозревал каждого.

- Она даже не ранена.

Потребовалось некоторое время, чтобы узнать говорившего. Это был один из его инспекторов.

- Что здесь произошло?

- Точно не знаю. Ему удалось скрыться. За ним погнались. Меня удивляет, как он мог удрать, когда весь квартал на осадном положении.

Наконец он добрался до центра бурлящей толпы. Там стояла женщина в голубом платье, что-то Мегрэ напомнившим, грудь ее прерывисто вздымалась. Она то и дело принималась смеяться, как человек, только что избежавший опасности.

Она узнала Мегрэ.

- Простите, что мне не удалось задержать его. До сих пор не пойму, как он выскользнул у меня из рук. Она не знала, продолжать ли ей дальше.

- Держите! У меня в руке осталась пуговица от его костюма.

Она протянула ее комиссару - маленькую, темного цвета, с ниткой, и, возможно, частицами ткани на ней.

- Он напал на вас?

- Когда я проходила мимо этой аллеи. Что-то вроде коридора, абсолютно темного, без двери, выходило на улицу.

- Я была настороже. Когда я увидела эту аллею, у меня появилось какое-то предчувствие, и я заставила себя идти спокойно.

Мегрэ показалось, что он узнал ее, по крайней мере, это голубое платье. Не она ли только что стояла на углу и целовалась с парнем?

- Он пропустил меня вперед, и сразу же я почувствовала движение воздуха за спиной. Рука схватила меня за горло, и я, сама не знаю как, успела провести прием дзю-до.

Шум переместился на площадь Тертр, где полуночники выскакивали из-за столов, покрытых красными скатертями, и, позабыв о венецианских фонариках и графинах с красным вином, бросались в том же направлении.

Полицейский в форме оказался вовлеченным в людской водоворот. Вверх по улице Коленкур неслась полицейская машина. Кто-то пытался навести порядок.

Сколько же инспекторов было поставлено на прилегающих улицах, в бесчисленных закоулках и тупиках, чтобы поймать беглеца?

У Мегрэ было впечатление, что игра на этом этапе проиграна. Еще раз убийца показал свой злой гениальный ум тем, что действовал в ста метрах от народного гулянья, зная, что если поднимется тревога, толпа не замедлит устроить хаос и суматоху.

Координировать план действий времени не было. В этом секторе командовал Мовуазен. Мегрэ оглянулся, он не нашел его.

Присутствие комиссара было бесполезным. Теперь все решал случай.

- Садитесь в мою машину, - приказал он девушке. Он узнал ее и теперь все время досадовал на то, что видел ее с тем молодым человеком.

- Как вас зовут?

- Марта Жюссеран.

- Вам двадцать два года?

- Двадцать пять.

Она была того же сложения, что и пять жертв, только более спортивная.

- В уголовную полицию! - приказал Мегрэ шоферу.

Он предпочел быть на месте, куда стекалась вся информация, чем находиться в центре неорганизованной толпы.

Чуть позже он заметил Мовуазена, дававшего какие-то инструкции своим коллегам.

- Я возвращаюсь к себе, - бросил он. - Держите меня в курсе. Рядом остановилась машина, снабженная передатчиком. Две других, патрулировавших поблизости, не замедлили прийти на помощь.

- Вы испугались? - спросил Мегрэ свою попутчицу, когда они выбрались на улицу, где было поспокойней.

На площади Клиши толпа вышла из кинотеатра, и бары были еще открытыми, на террасах сидели завсегдатаи.

- Не в тот самый момент, а немного спустя. У меня даже коленки задрожали.

- Вы видели его?

- На мгновение его лицо оказалось рядом с моим, и тем не менее я себя спрашиваю: смогу ли я узнать его? Я была три года преподавателем физической культуры перед тем, как прийти в полицию. Знаете, я очень сильная. Я занималась дзюдо, как и другие из вспомогательного отряда.

- Вы кричали?

- Не знаю.

Позже от инспектора, расположившегося у окна ближайших меблированных комнат, станет известно, что закричала она только один раз, когда нападавший бросился бежать.

- На нем был темный костюм. Волосы светло-каштановые, довольно молод.

- Какой возраст, на ваш взгляд?

- Не знаю. Я очень волновалась. Я хорошо помнила, что надо делать в случае нападения, но, когда это произошло, я все забыла. Я думала о ноже в его руке.

- Вы видели его?

Несколько секунд она молчала.

- Теперь я спрашиваю, видела ли я его или просто хотела его увидеть, так как знала, что он должен быть. Зато держу пари: глаза у него голубые или серые. Он похож на страдальца. Я

провела прием и, должно быть, сделала ему больно. Все длилось секунды, после чего он оказался на тротуаре.

- Ему удалось освободиться?

- Он выскользнул у меня из рук, сама не знаю как. Я ухватилась за что-то на его костюме, это оказалась пуговица, а через мгновение он удрал, оставив ее у меня в руке. Все это произошло очень быстро, а мне показалось, что необычайно долго.

- Не хотите выпить чего-нибудь, чтобы подкрепиться?

- Я не пью, но с удовольствием выкурила бы сигарету.

- Прошу вас.

- У меня нет сигарет, уже месяц как я решила бросить курить.

Мегрэ остановил машину у ближайшего табачного киоска.

- Какие?

- Американские.

Первый раз в жизни Мегрэ покупал американские сигареты.

В уголовной полиции, куда они поднялись, были только Люка и Торранс - каждый за своим телефоном. Мегрэ вопросительно посмотрел на них, и они также молча ему ответили. Убийцу еще не поймали.

- Присаживайтесь, мадемуазель.

- После сигареты я чувствую себя совсем хорошо. Только потом будет плохо - опять будет тянуть курить.

Мегрэ продиктовал Люка приметы, которые тот должен был сообщить остальным.

- Передай всем, включая вокзалы. Он обратился к девушке:

- Рост?

- Не выше меня.

Итак, человек был невысок.

- Худой?

- Во всяком случае, не полный.

- Двадцать лет? Тридцать? Сорок?

Она сказала молодой, но это слишком расплывчато.

- Я бы сказала, около тридцати.

- Других примет не помните?

- Нет.

- Он носит галстук?

- Кажется.

- На кого он похож: на бродягу, рабочего, служащего? Она попыталась воссоздать полную картину, но ее воспоминания были отрывочны.

- Мне кажется, что в другой ситуации, встретив его на улице, я бы не обратила на него внимания. Так, из состоятельных.

Девушка, как в школе, подняла руку, да и не так давно она перестала быть школьницей.

- У него был перстень на пальце!

- Перстень или кольцо?

- Пойдите...

Она закрыла глаза, припоминая положение, эпизод борьбы.

- Сначала я почувствовала его пальцами, затем во время приема его рука оказалась у меня перед лицом. Перстень с печаткой или оправой был бы больше... Это наверняка было кольцо...

- Ты слышал, Люка?

- Да, шеф.

- Волосы длинные, короткие?

- Не очень. Они упали на уши, когда он оказался параллельно тротуару.

- Ты все записал?

- Да.

- Проходите в мой кабинет.

Он машинально снял пиджак, хотя было уже свежо, по крайней мере, по сравнению с днем.

- Садитесь. Вы уверены, что вам не хочется выпить?

- Уверена.

- Перед тем как на вас напали, у вас не было другого свидания?

Краска стыда залила ей щеки и уши. Оказывается, эти мускулы были обтянуты тонкой нежной кожей.

- Да.

- Расскажите мне все.

- Пожалуйста, если я виновата. Я помолвлена.

- Чем занимается ваш жених?

- Он кончает последний курс юридического факультета. Он тоже намерен поступить в полицию...

Не так, как Мегрэ когда-то, из низов, с улицы, а только пройдя конкурс, испытание.

- Вы видели его сегодня вечером?

- Да.

- Вы сказали ему о том, что готовится?

- Нет. Я попросила его провести сегодняшний вечер на площади Тертр.

- Вы боялись?

- Нет. Мне просто хотелось чувствовать, что он недалеко.

- И вы назначили ему новое свидание? Девушке было не по себе.

Короткими взглядами она пыталась выяснить, сердится Мегрэ или нет.

- Я скажу вам всю правду, господин комиссар. Тем более, я запуталась.

Нам дали инструкции вести себя как можно более естественно, как обычная девушка или женщина, прогуливающаяся вечером, не так ли? Ведь вечером можно видеть множество парочек, которые обнимаются перед тем, как разойтись в разные стороны.

- И за этим вы вернули своего жениха?

- Клянусь вам. Я назначила свидание на десять часов. Ведь рассчитывали: что-то должно произойти до этого. Я ничем не рисковала, назначая на десять часов встречу.

Мегрэ внимательно наблюдал за ней.

- Вам не приходило в голову, что именно то, что убийца увидел бы вас покидающей объятия молодого человека, и могло бы явиться причиной его действий?

- Не знаю. Я думала, что это все случайно. Я поступила не правильно?

Он предпочел не отвечать. Между дисциплиной и личной инициативой всегда возникало противоречие. А он сам этой ночью и все предыдущие дни, не попирали ли он законы дисциплины?

- А теперь не спешите. Располагайтесь в моем кабинете. Вам, как в школе, предстоит письменно изложить все, что произошло с вами в тот вечер. Постарайтесь припомнить мельчайшие детали, даже те, которые кажутся вам неважными.

Из опыта он знал, что это часто давало результаты.

- можно воспользоваться вашей ручкой?

- Пожалуйста. Когда закончите, позовите меня.

Он вернулся в кабинет, где Люка и Торранс по очереди подходили к телефону. В комнатухе в конце коридора радист принимал сообщения от машин с передатчиками. Мальчик-рассыльный приносил их на клочках бумаги.

Стало известно, что мало-помалу толпа рассеялась; но, как и следовало ожидать, появилась армия переполошенных репортеров.

Сначала оцепили три квартала домов, потом четыре, наконец, весь район. Ведь по мере того, как шло время, у преступника появилось все больше возможностей скрыться.

Были обследованы все отели, меблированные комнаты, местные жители были разбужены и подвергнуты проверке документов и общим допросам.

Все указывало на то, что убийца проскочил сквозь прутья капкана, может быть, далее в первые минуты, во время первых свистков, когда все бросились бежать, а площадь Тертр излила любопытствующую толпу.

Существовала и другая возможность: убийца живет в квартале или рядом, и он просто вернулся к себе.

Мегрэ машинально играл пуговицей, которую ему передала Марта Жюссеран, обыкновенной пуговицей, темно-серого цвета с голубыми прожилками. Никакой надписи на ней не было. На железной петле еще были видны ворсинки материала костюма.

- Немедленно вызовите Моэrsa.

- Сюда или в лабораторию?

- Сюда.

Из прошлого опыта он знал, что час, потерянный в определенный момент следствия, может обернуться для преступника неделями форы.

- С вами хочет поговорить Лоньон, шеф.

- Где он?

- В каком-то кафе на Монмартре.

- Алло, Лоньон?

- Да, шеф. Охота продолжается. Они оцепили большую часть квартала. Но я уверен, что видел его. Он бегом спускался по лестнице от площади Константин-Пекер, прямо у меня под носом.

- Ты не мог задержать его?

- Нет. Я тоже быстро бежал, а он еще быстрее.

- Ты не стрелял?

Был приказ стрелять. Стрелять в ноги, при условии, если не было прохожих, не подвергать их опасности.

- Я не решился. На последних ступеньках спал какой-то старый бродяга, и я боялся зацепить его. А потом он был уже далеко. Он затерялся в темноте, как будто вошел в стену. Я обшарил каждый метр. Все время у меня было ощущение, что он рядом, следит за каждым моим движением.

- Это все?

- Да. Приехали наши коллеги, и мы организовали поиски.

- Безрезультатно?

- Только один человек примерно в это время заходил в бар на улице Коленкур, где играют в белот. Не останавливаясь у стойки, он прошел в телефонную кабину. Позвонил и вышел так же как и вошел, не сказав ни слова и далее не посмотрев на хозяина и игроков. Это все, что они заметили. Эти типы ни на что не обращают внимания.

- Что-нибудь еще?

- Он светловолос, довольно молод, худощав и без шляпы.

- Костюм?

- Темный. По-моему, надо обыскивать машины в этом районе. Никто не подумал осматривать машины с несколькими пассажирами.

Это был первый случай в уголовных анналах, когда маньяк действовал бы не в одиночку.

- Спасибо, старина.

- Я буду здесь. Мы продолжаем.

- Только это и остается.

Это могло быть простым совпадением. Кто-то зашел в бар позвонить и передумал или просто спешил.

Разговор взволновал Мегрэ. Он думал о кольце, про которое сообщила девушка.

А что если этот человек настолько обнаглел, что хотел вы звать свою жену, чтобы пройти через кордон полиции. В таком случае, как он ей объяснил происходящее: ведь с утра она читала в газетах о том, что происходит на Монмартре.

- Моэрс едет?

- Сейчас будет. Он читал в постели. Я сказал, чтобы он взял такси.

Марта Жюссеран принесла свое сочинение, отчет о событиях, свидетелем и участницей которых ей довелось быть.

- Конечно, за стиль я не отвечаю. Я пыталась описать все, как могла, объективно.

Мегрэ пробежал глазами две страницы и не нашел ничего нового. Когда девушка повернулась, чтобы взять свою сумочку, он заметил, что платье у нее на спине разорвано. Эта деталь как бы материализовала опасность, которой избежала . Марта и другие и которой подвергал их Мегрэ.

- Мелеете идти спать. Я прикажу отвезти вас.

- Не надо, господин комиссар. Жан наверняка внизу со своей малолитражкой.

- Не назначили же вы ему свидание здесь, ведь вы не знали, что окажетесь у меня.

- Нет. Но он первым прибежал с площади Тертр. Я заметила его среди зевак и инспекторов. Он видел, как я разговаривала с вами и как села в вашу машину. Он наверняка сообразит, что меня привезли сюда.

Несколько ошарашенный Мегрэ только и смог пробормотать, протягивая руку:

- А! Хорошо, малышка, я желаю вам с Жаном счастья. Благодарю.

Извините за те переживания, которые вам достались по моей вине. Газеты не узнают о западне, нами готовившейся. Ваше имя останется неизвестным.

- Вот это мне нравится.

- Спокойной ночи...

Он учтиво проводил ее до лестницы и вернулся к инспекторам, почесывая затылок.

- Забавная девушка, - пробормотал он. Торранс, имевший свои взгляды на молодое поколение, проворчал:

- Все они сегодня такие.

Спустя несколько минут, пришел Моэрс, свежий, как будто он хорошо отоспался за ночь. Он был совершенно не в курсе дела. Планы поимки убийцы не распространялись на работников лаборатории.

- Пуля, шеф?

Мегрэ протянул ему пуговицу. Моэрс скорчил гримасу.

- Это все?

- Да.

Моэрс и так, и сяк повертел пуговицу между пальцев.

- Вы хотите, чтобы я поднялся наверх и исследовал ее?

- Я с тобой.

Это было почти как суеверие. Телефоны продолжали названивать. Мегрэ не верил этим звонкам. Каждый раз он не мог удержаться от содрогания в предчувствии, что чуда не случится. А вдруг оно произойдет, и ему позвонят в лабораторию, скажут, что напали на след убийцы.

Моэрс зажег лампы, вооружился лупой, пинцетом и прочими тонкими инструментами и приступил к изучению пуговицы и материала под микроскопом.

- Я полагаю, вы хотите знать, где сшита одежда, от которой оторвали пуговицу?

- Я хочу знать все, что молено.

- Сначала пуговица. Несмотря на ее скромный вид, она очень хорошего качества. Она не из тех, что нашиваются к серийной одежде. Я думаю, что завтра будет нетрудно выяснить, где сделана пуговица, благо, изготовителей их не так уж много. Почти все эти конторы находятся на Пети-Шам, напротив магазинов, торгующих тканями.

- А нитка?

- Она ничем не отличается от тех, что используют почти все портные.

Меня больше интересует материал. Как видите, серая основа довольно обычна, но эта голубая нитка делает его характерным. Держу пари, что это не французский, а импортируемый из Англии материал. Поскольку такие товары проходят через ограниченное количество рук, я смогу предоставить вам список.

У Моэrsa были различные списки, каталоги, с помощью которых он быстро мог определить происхождение предмета, будь то оружие, пара перчаток или носовой платок.

- Держите! Как видите, большая часть бюро, занимающихся экспортом, тоже находится на Пети-Шам...

Любопытно, что в Париже до сих пор все торговые дома находятся в одном квартале.

- Одни открываются в восемь, другие - в девять часов.

- На сегодня все?

- По крайней мере до тех пор, пока не появится еще что-нибудь.

- Я останусь на всякий случай.

Искать, обязательно искать какие-либо следы, изобличающие улики даже на нитке, на ворсинках материи. Ведь три года тому назад преступник был изобличен только на основании древесных опилок, найденных у него на платке, а другой - по пятну типографской краски.

Все-таки Мегрэ устал. Напряжение последних дней, последних часов покинуло его. Он был опустошен, пессимистичен, без желания что-либо делать.

Завтра утром он предстанет перед судьей Комельо, перед журналистами, которые будут изводить его каверзными вопросами. Что он им скажет?

Открыть им правду он не может. Но и не может обманывать их по-прежнему.

Когда Мегрэ спустился в управление, то понял, что пытка репортерами будет не завтра, а сейчас. И если среди них не было Барона, то его с лихвой заменял Ружин с блестящими от возбуждения глазами.

- Вы примете нас у себя в кабинете, комиссар? Он пожал плечами, впустил их, посмотрел на всех троих с блокнотами и карандашами наготове.

- Ваш узник сбежал?

Вопрос был неизбежен, и, тем не менее, Мегрэ был озадачен.

- Никто не сбежал.

- Вы отпустили его на свободу?

- Никого не отпускали.

- И все-таки сегодня вечером было новое покушение, не так ли?

- Девушка была атакована на улице недалеко от площади Тертр, но преступник, испугавшись, бросил ее.

- Она ранена?

- Нет.

- Нападавший был вооружен?

- Она не уверена.

- Девушка здесь?

Они недоверчиво оглянулись. Наверное, там, на Монмартре, им сказали, что она села в машину комиссара.

- Как ее зовут?

- Это не имеет никакого значения.

- Вы сохраняете ее имя в тайне?

- Считаю, что нет смысла печатать его в газетах.

- Почему? Она замужем? Она была там, где ей не полагалось быть?

- Это объяснение.

- Хорошее?

- Не знаю.

- Вы не находите, что тайн слишком много?

- Тайна, занимающая меня больше всего, одна. Убийца.

- Вы не нашли его?

- Нет еще.

- У вас есть новые данные, с помощью которых вы надеетесь найти его?

- Может быть.

- И, конечно, их сообщить нельзя?

- Конечно.

- Эта молодая особа, чье имя является тайной, видела нападавшего?

- Плохо, но достаточно, чтобы я дал вам его приметы.

Мегрэ объявил им приметы, настолько неполные, насколько это было возможным, ни слова не сказав о пуговице от костюма.

- Это довольно туманно, не так ли?

- Вчера было еще хуже, мы вообще ничего не знали.

Он был не в духе и тоже хотел поиздеваться над ними. Они делали свою работу, как и он, Мегрэ знал, что раздражает их своими ответами и еще больше молчанием, но не мог превозмочь себя и установить обычную дружескую атмосферу.

- Я устал, господа.

- Вы идете домой?

- Как только вы позволите мне это сделать.

- Охота продолжается?

- Продолжается.

- Вы собираетесь отпустить того человека, которого приводил Лоньон позавчера и которого вы дважды допрашивали?

Ему необходимо было найти достойный ответ.

- Этот человек никогда не был арестован. Это не подозреваемый, а свидетель, личность которого по некоторым причинам следствие открыть пока не может.

- Из предосторожности?

- Возможно.

- Он находится под охраной полиции?

- Да.

- У него не было возможности выбраться сегодня на Монмартр?

- Нет. Еще вопросы?

- Когда мы приехали, вы были в лаборатории... Они знали здание так же хорошо, как и он, - Там работают не с предположениями, а с вещами, предметами.

Он невозмутимо посмотрел на них.

- Можно предположить, что человек с улицы Морвин оставил что-нибудь после себя, например, в руках своей жертвы?

- В интересах следствия было бы предпочтительнее не делать каких-либо заключений из моих действий. Господа, я утомлен и прошу разрешения удалиться. Через двадцать четыре часа у меня, может быть, будет, что вам сказать. А пока вам придется удовлетвориться описанием преступника.

Было половина второго ночи. Телефоны в соседней комнате, куда он зашел попрощаться с Люка и Торрансом, заливались.

- По-прежнему ничего?

Ему достаточно было посмотреть на них, чтобы понять бесполезность вопроса. Будут продолжать держать квартал в осаде, прочесывать улицу за улицей, дом за домом до тех пор, пока над Парижем не займется заря.

- Спокойной ночи, ребята.

Очень кстати, что внизу оказалась машина. Шофер прогуливался по двору. Чтобы найти стакан белого вина, надо было отправиться на Монпарнас или к площади Пигаль, а это слишком далеко, и он не решился.

Мадам Мегрэ в ночной рубашке открыла ему дверь прежде, чем он достал ключ. Прямо от двери комиссар направился, брюзжа, с упрямым видом к буфету, где стоял графинчик сливянки. Это было не совсем то: хотелось пива, но, осушив стаканчик, Мегрэ почувствовал облегчение.

СЛЕД СИГАРЕТЫ

На это потребовались бы недели. К утру в уголовной полиции все были измотаны и изнурены. Некоторые, вроде Мегрэ, успели прикорнуть часа три-четыре. Другие, жившие в пригороде, не спали всю ночь.

И надо опять патрулировать весь квартал Гранд-Карьер, держать под наблюдением станции метро, следить за людьми, покидавшими меблированные комнаты.

- Как спалось, господин комиссар?

Это был малыш Ружин, свежий и бодрый, игривый более чем обычно.

Вопрос был задан звонким, с металлическими нотками голосом. В это утро он показался Мегрэ особенно веселым. Причину комиссар понял, только просмотрев газету, в которой работал молодой репортер. Он тоже рисковал.

Накануне вечером, а затем и ночью, когда они втроем или вчетвером заявили изводить Мегрэ, он догадывался об истинном значении происходящего.

Наверняка остаток ночи он провел, допрашивая разных людей, в особенности владельцев отелей.

И вот в его газете большими буквами было напечатано:

"Убийца ускользнул из капкана, поставленного ему полицией".

Ружин в коридоре несомненно ждет реакции Мегрэ.

"Наш друг комиссар Мегрэ, - писал он, - вероятно не возразит, если мы заявим, что арест, произведенный позавчера и окруженный такой тайной, служил приманкой, чтобы завлечь убийцу с Монмартра в ловушку..."

Ружин пошел дальше. Среди ночи он разбудил известного психиатра и задал ему вопросы, подобные тем, что Мегрэ ставил профессору Тиссо.

"Рассчитывали ли они, что преступник будет разгуливать вокруг уголовной полиции, чтобы посмотреть, кого посадили вместо него?"

Возможно. А вероятнее всего, они хотели, задев его тщеславие, заставить совершить покушение в квартале, нашпигованном полицейскими..."

Это была единственная газета, попавшая в точку. Остальные журналисты путались и сбивались.

- Ты все время здесь? - проворчал Мегрэ, заметив Люка.

- Не собираешься спать?

- Я поспал в кресле, потом сходил в бани Делиньи, искупался и побрился.

- Кто свободен?

- Почти все.

Люка только повел плечами.

- Позови мне Жанвье, Лапуэнта и еще двух-трех.

За ночь он выпил только полтора стаканчика сливянки, и теперь у него страшно пересохло во рту.

Небо было пасмурным, но это были не настоящие тучи, приносящие прохладу. Серая вуаль постепенно окутывала город, надоедливая водяная пыль оседала на улицы, смешивалась с запахом бензина, отчего в горле першило.

Мегрэ открыл окно, но сразу же закрыл. Воздух на улице был еще тяжелее, чем в кабинете.

- Поезжайте на улицу Пети-Шам, ребята. Вот несколько адресов. Если там ничего не найдете, поищите у Ботина. Один из вас займется пуговицей, другие - материалом.

Он объяснил им то, что узнал о владельцах магазинов и импортерах от Моэrsa.

- Может сказаться, что на этот раз у нас есть шанс. Держите меня в курсе.

Мегрэ был мрачен, и причиной тому было не то, что он потерпел неудачу, как считали многие, и не потому, что человеку, которого они выслеживали, удалось выскочить из ловушки. Он ждал этого. В действительности происшедшее поражением назвать было никак нельзя. Их предположения оправдались, и они получили ниточку, точку отправления, хотя бы ничтожную, на первый взгляд.

Мысли его опять вернулись к убийце, который начал вырисовываться в его сознании, как однажды мельком, вскользь увиденный человек. Он представлял его еще молодым, светловолосым, чуть меланхоличным. Мегрэ теперь мог держать пари, что у него хорошая семья и довольно комфортабельная жизнь.

Он носит кольцо. Следовательно, женат. Были отец, мать. Был школьником, может быть, студентом. Один против парижской полиции, против всех жителей города и, конечно, читал статью маленького Ружина. Спал ли он в эту ночь, избежав ловушки, в которой мог бы и остаться?

Если убийства приносили ему успокоение, даже какую-то эйфорию, какой эффект оказало на него неудавшееся покушение?

Мегрэ не стал ждать, пока его позовет Комельо, а отправился к нему сам. Он застал того за чтением газет.

- Я вас предупреждал, комиссар. Вы не можете утверждать, что я был в восторге от вашего плана и что я его одобрил.

- Мои люди идут по следу.

- Серьезно?

- У них в руках вполне материальная улика. Она обязательно куда-нибудь приведет. Это может занять недели, а может, и два часа.

Это не заняло даже двух часов. С самого начала Лапуэнт и Бронкард наведались на улицу Пети-Шам в контору, где все стены были увешаны пуговицами различных образцов. "Дом основан в 1782 году" было написано на двери под именами двух компаньонов. И коллекция представляла собой весь ассортимент пуговиц, выпускавшихся со дня основания этой компании.

Показав жетон уголовной полиции, Лапуэнт спросил:

- Можно ли установить происхождение этой пуговицы?

Для него, для Мегрэ, для любого другого это была обычная пуговица, но служащий, осмотрев ее, без колебания ответил:

- Она от Муллербаха из Колмара.

- У Муллербаха есть конторы в Париже?

- Да, здесь, двумя этажами ниже.

Как установил Лапуэнт со своим коллегой, все здание было занято торговцами пуговиц.

Самого Муллербаха уже не существовало. Хозяин был последним отпрыском этого рода. Он очень вежливо и учтиво принял полицейских в своем кабинете. Спросил, рассматривая пуговицу:

- Что бы вы хотели узнать?

- Эта пуговица вашего производства?

- Да.

- У вас есть список портных, кому вы продали такие же?

Промышленник нажал кнопку, объясняя:

- Как вы, возможно, знаете, текстильщики все время меняют цвета и даже наименования своей продукции. Прежде чем пустить свои новинки в продажу, они присылают образчики материи с тем, чтобы мы со своей стороны наладили производство подходящих пуговиц. Они продаются прямо в ателье.

Вошел молодой человек, изнуренный жарой.

- Мосье Жанфис, найдите, пожалуйста, документы на пуговицу и список ателье, куда мы продали эту партию.

Жанфис так же безмолвно удалился. Пока он отсутствовал, глава предприятия продолжал знакомить полицейских с механизмом торговли пуговицами.

Менее чем через десять минут в дверь постучали. Вошел все тот же Жанфис и положил на стол пуговицу и лист бумаги с печатным текстом.

Это был список примерно сорока мастерских: четыре в Лионе, две в Бордо, одна в Лилле, несколько других, разбросанных по всей Франции.

Остальные в Париже.

- Вот, господа. Желаю успеха.

Выйдя из кабинета, где царила безмятежная, церковная тишина, они были оглушены уличной суетой.

- Что делать? - спросил Бронкард. - Обходить все? Я посчитал: их двадцать восемь в Париже. Взяв такси...

- Ты знаешь, куда пошел Жанвье?

- Да, вон в то здание.

- Жди его.

Сам Лапуэнт спустился в подвальчик, где пол был посыпан опилками.

Заказал стакан белого вина и закрылся в телефонной кабине. Мегрэ был у судьи Комельо. Там Лапуэнт его и нашел.

- Всего сорок ателье, - объяснил он. - Двадцать восемь - в Париже. Я начну искать?

- Возьми четыре-пять адресов. Остальные продиктуй Люка, он пошлет людей.

Лапуэнт еще не кончил диктовать, когда в бистро вошли Жанвье, Бронкард и еще один инспектор. В ожидании они устроились у стойки и, казалось, были довольны. Выбрав момент, Жанвье открыл дверь:

- Не клади трубку. Мне тоже надо с ним поговорить.

- Это не шеф. Это Люка.

- Все равно.

От бессонницы глаза у них были воспалены, дыхание горячее и прерывистое.

- Это ты, старик? Скажи шефу, все идет нормально. Мы попали в точку.

Есть шанс, что этот тип носит костюм из английской материи. Я тебе объясню, теперь я специалист в этом деле. Короче говоря, всего двенадцать ателье заказывали этот материал. Значительно большее число получило отрезы. Эти образцы они показывали клиентам и, когда костюм заказан, доставляли необходимое количество материи. Короче, можно надеяться, что это не займет много времени, если только, что маловероятно, костюм не был пошит в Англии.

Они, как в лотерею, разыграли по два-три адреса. Кому-то из них уже в это утро удастся узнать имя того, кого они ищут шесть месяцев.

Маленькому Лапуэнту выпал главный выигрыш. Он взял на себя левобережную набережную в районе бульвара Сен-Жермен, известную ему как свои пять пальцев, поскольку он тут жил.

Первый портной с бульвара Сен-Мишель на самом деле заказывал партию такого материала. Он может показать инспектору костюм, который шил, но еще не выдал - не готов. С одним рукавом и непрошитым воротником костюм ждал примерки.

Второй закройщик был низенький поляк, чья мастерская располагалась на третьем этаже по улице Вано. Лапуэнт застал его сидящим за столом в очках со стальной оправой.

- Вы узнаете этот материал? - спросил он. Жанвье снабдил своих коллег образцами.
- Конечно. А что? Вы хотите костюм?
- Мне нужно имя клиента, для которого вы сделали такой костюм.
- Это было давно.
- Когда?
- Прошлой осенью.
- И вы помните имя клиента?
- Помню.
- Кто он?
- Мосье Монсин.
- Кто такой мосье Монсин?
- Один очень хороший господин, который одевается у меня уже многие годы.

Лапуэнт вздрогнул, боясь поверить. Чудо совершилось, человек, которого столько искали, который был покрыт такой неизвестностью, на поиски которого были брошены все силы полиции и потрачено столько часов, имел имя. У него был адрес, он существовал и скоро обретет материальную форму.

- Он живет в квартале?
- Недалеко отсюда, на бульваре Сен-Жермен, рядом со станцией метро "Сольферино".
- Вы хорошо его знаете?
- Как всех своих клиентов. Это образованный, очаровательный человек.
- Он давно не заходил?
- Последний раз в ноябре за пальто, которое я ему делал после костюма.
- У вас есть его точный адрес?

Маленький портной полистал книгу, где все адреса были написаны карандашом, там были цифры и суммы за одежду. По уплате он обводил их красным карандашом.

- 228-бис.
- Вы не знаете, он женат?
- Жена его сопровождала несколько раз. Они вместе приходили выбирать фасон.
- Она молодая?
- Я думаю, около тридцати. О, это настоящая дама.

Лапуэнт никак не мог унять дрожь в теле. Это походило на панику.

Находясь так близко от цели, он боялся, как бы что-нибудь не поставило вновь все под вопрос.

- Благодарю вас. Я, может быть, еще загляну.

Он забыл спросить о профессии Марселя Монсина. Кубарем скатившись по лестнице, Лапуэнт направился к дому N 228-бис на бульваре Сен-Жермен.

Этот дом ничем не отличался от других, тот же стиль, те же кованые решетки на балконах. Но Лапуэнту он показался изумительным. Дверь была открыта. В конце выкрашенного в светло-бежевый цвет коридора была видна кабина лифта, и направо - комната консьержки.

У Лапуэнта было страстное желание войти, представиться, подняться в квартиру Монсина и одному покончить с этим знаменитым убийцей. Но он знал, что действовать самостоятельно не имеет права.

Прямо перед входом в метро находился пост полиции. Лапуэнт обратился к полицейскому:

- Не могли бы вы понаблюдать несколько минут за этим домом, пока я позвоню на набережную Орфевр?

- Что я должен делать?

- Ничего, если только человек около тридцати лет, худошавый, светловолосый будет выходить из него, попытайтесь задержать. Делайте, что хотите. Ну, хотя бы... проверьте его документы.

- Как его зовут?

- Марсель Монсин.

- А что он сделал?

Лапуэнт предпочел не уточнять, хотя была полная вероятность того, что это и есть убийца с Монмартра.

Некоторое время спустя он уже был в телефонной кабине.

- Управление? Соедините меня немедленно с комиссаром Мегрэ. Это Лапуэнт.

Его так лихорадило, что он стал заикаться.

- Это вы, шеф? Лапуэнт. Да. Я нашел. Как? Да... Его имя, адрес...

Сейчас я напротив его дома. Внезапно ему в голову пришло, что были сделаны и другие костюмы из такого же материала, и он может оказаться в дураках.

- Жанвье не звонил? Да? Что он сказал? Нашли три таких костюма, но приметы, данные Мартой Жюссеран, не подходили.

- Звоню с бульвара Сен-Жермен... Я поставил сержанта у дверей дома...

Да... Да... Жду вас... Сейчас посмотрю название бистро...

Он вышел из кабины и прочитал написанное эмалью во всю витрину название заведения.

- Кафе "Сольферино"...

Мегрэ посоветовал ему оставаться внутри и не высовываться.

Менее чем через четверть часа, когда Лапуэнт уже сидел за стойкой и приканчивал второй стаканчик белого вина, показались две маленькие машины полиции. Они остановились на разных углах квартала...

Из одной из них вылез Мегрэ, более грузный и неповоротливый, как показалось Лапуэнту, чем обычно.

- Шеф, это оказалось так просто, что я боюсь поверить...

Если даже Мегрэ и нервничал так же, как он, то по нему это не было заметно.

- Что ты пьешь?

- Белое.

Мегрэ поморщился.

- У вас есть бочковое пиво?

- Конечно, господин Мегрэ.

- Вы знаете меня?

- Я часто видел ваши портреты в газетах. А в прошлом году, когда вы были заняты в министерстве напротив, несколько раз заходили сюда пропустить глоток. - Он подал пиво.

- Прекрасно.

За это время была осуществлена операция, хотя и не такая значительная, как накануне ночью, но не менее эффективная. Два инспектора поднялись на самый верхний этаж дома, остальные заняли посты на тротуаре, за углом. Вдобавок в непосредственной близости от дома расположилась машина с передатчиком.

Конечно, все это было ни к чему. Такие убийцы редко защищаются, еще реже - с оружием в руках.

- Я пойду с вами?

Мегрэ утвердительно кивнул, и они вдвоем вошли к консьержке. Ее комната была выдержана в стиле буржуа, с маленькой гостиной, отделенной красной велюровой занавеской от кухни. Консьержка лет пятидесяти оказалась спокойной и улыбчивой женщиной.

- Что вам угодно, господа?

- Монсин, пожалуйста.

- Второй этаж, налево.

- Вы не знаете, он у себя?

- Возможно. Я не видела, чтобы он уходил.

- Мадам Монсин тоже дома?

- С полчаса назад она вернулась с прогулки.

Мегрэ никак не мог отделаться от мыслей о беседе с профессором Тиссо у Пардона. Дом был тихий, комфортабельный. Вид этого старомодного, построенного в стиле середины прошлого века здания, внушал доверие. Они могли бы воспользоваться хорошо смазанным с блестящими медными частями лифтом, но предпочли подняться по лестнице, застеленной темно-красным ковром.

На большинстве циновок перед дверями из темного дерева были написаны инициалы хозяев, а звонки отблескивались солнечными зайчиками. Ни звука не проходило сквозь эти толстые стены, никакого запаха из кухни не проникало на лестничную площадку. На одной из дверей висела табличка с фамилией врача - специалиста по легочным болезням.

На втором этаже, налево, на медной табличке того же формата, но с более модным шрифтом, можно было прочитать: "Марсель Монсин, архитектор-декоратор".

Мужчины переглянулись, и Лапуэнту показалось, что Мегрэ взволнован не меньше его. Комиссар протянул руку и позвонил. Время тянулось невероятно долго, и наконец дверь открылась. Служанка двадцати лет, в белом фартуке, удивленно посмотрела на них и спросила:

- Вам кого?

- Мосье Монсин дома?

Она озадаченно пробормотала:

- Я не знаю. Значит, он был дома.

- Если вы подождете минутку, я пойду спрошу мадам...

Ей не было необходимости уходить. Еще молодая женщина, только что вернувшаяся с прогулки и от жары переодевшаяся в пеньюар, показалась в конце коридора:

- Кто там, Одиль?

- Два мосье желают поговорить с господином, мадам. Запахнув полы пеньюара, она подошла, смотря прямо в лицо Мегрэ, как будто он ей напоминал кого-то.

- Что вам угодно? - спросила она.

- Ваш муж дома?

- То есть?!

- Значит, он тут. Она слегка покраснела.

- Да. Но он спит.

- Я буду весьма обязан, если вы его разбудите. Еще колеблясь, она пробормотала:

- Извините, с кем имею честь?

- Уголовная полиция.

- Комиссар Мегрэ, не так ли? Мне показалось, что я вас узнала...

Мегрэ был уже в прихожей.

- Идите, разбудите своего мужа. Я думаю, что он пришел поздно прошлой ночью?

- Что вы хотите сказать?

- Это у него привычка такая: спать после одиннадцати утра?

Она улыбнулась.

- Это часто с ним бывает. Он любит работать вечером, иногда далее ночью. Он гений, художник.

- Он не уходил прошедшей ночью?

- Нет, насколько я знаю. Подождите в гостиной, я пойду, разбужу его.

Мадам открыла дверь в комнату, обставленную с неожиданной в этом старом доме современностью. Она не была броской или кричащей, и Мегрэ отметил, что он смог бы жить в такой обстановке. Единственное, что ему не понравилось, - это картины на стенах, содержание которых он не понял.

Лапуэнт внимательно наблюдал за входной дверью. Впрочем, это было лишним: к этому времени все входы и выходы были тщательно блокированы полицией.

Молодая женщина, удалившаяся всего на две-три минуты, появилась вновь, уже причесанная.

- Он сейчас будет. У Марселя странная привычка, над которой я иногда подшучиваю: он стыдится показываться перед гостями в неглиже...

- Вы спите в разных комнатах?

Она слегка вздрогнула и ответила непринужденным тоном:

- Как и большинство супружеских пар, не так ли?

Разве это не было чуть ли не правилом для людей подобной категории?

То, что они спали в разных комнатах, еще ни о чем не говорило. Комиссар лишь пытался определить, не играла ли она какую-то роль в этом деле, догадывалась ли она о чем-либо или, наоборот, задавала себе вопрос, что побудило комиссара Мегрэ прийти к ее мужу.

- Ваш муж работает в этой комнате?

- Да.

Она открыла боковую дверь в довольно просторный кабинет, окна которого выходили на бульвар Сен-Жермен. Мегрэ заметил там доски для рисунков, рулоны бумаги, разложенные или свернутые макеты странного вида, похожие на театральные декорации.

- Он много работает?

- Даже слишком, что вредно для здоровья. А оно у него никогда не было крепким. В это время года мы должны были поехать в горы, как и в прошлые годы, но он получил заказ и не смог взять отпуск.

Мегрэ редко приходилось встречать такую спокойную, уравновешенную женщину. Разве не должна была она встревожиться, зная из газет об убийце с Монмартра и что Мегрэ ведет расследование этого дела, увидев комиссара в их доме? Но она лишь с любопытством наблюдала за столь известным человеком, сохраняя невозмутимый вид.

- Я пойду посмотрю, готов ли он.

Мегрэ, удобно расположившись в кресле, набил трубку, медленно раскурил ее и переглянулся с Лапуэнтотом, которому не сиделось на месте.

Когда дверь, за которой скрылась мадам Монсин, вновь открылась, в комнате появился мужчина, казавшийся таким молодым, что можно было подумать, что произошла ошибка.

Он был одет в домашний костюм нежного бежевого цвета, так гармонирующий с его светлыми волосами, бледным лицом, голубыми глазами.

- Прошу прощения, господа, что заставил вас ждать. - Улыбка, хрупкая и инфантильная, появилась на его губах. - Моя жена разбудила меня, сказав...

Разве той не интересно было знать о цели визита к ним в дом двух полицейских? В комнату она не возвратилась. Может быть, она подслушивала у двери, которую только что затворил ее муж.

- Последнее время мне пришлось много работать над декорацией огромной виллы, которую один из моих друзей построил на нормандском побережье...

Вынув из кармана батистовый носовой платок, он вытер им лоб, губы от блестевших на них капелек пота.

Он посмотрел в окно, заметил, что небо было свинцового цвета.

- Даже раскрытые окна не спасают от духоты. Надеюсь, что после грозы будет легче дышать...

- Прошу прощения, - начал Мегрэ, - мне надо задать вам несколько нескромных вопросов. Я бы хотел прежде всего посмотреть на костюм, в котором вы были вчера.

Это, казалось, застало его врасплох, но тем не менее не испугало.

Глаза у него немного расширились. Он поджал губы:

- Забавная идея!

Направляясь к двери, он бросил:

- Вы позволите на минуту?

Он отсутствовал всего полминуты и вернулся с хорошо отглаженным костюмом серого цвета. Мегрэ осмотрел его и нашел внутри кармана бирку с именем маленького портного с улицы Ванно.

- Вы были в нем вчера?

- Конечно.

- Вчера вечером?

- Да, после обеда. Перед работой я переделался в домашний костюм. Я работаю по ночам.

- Вы никуда не ходили после восьми часов вечера?

- Я был в кабинете до двух или до половины третьего. Это объясняет вам, почему я спал, когда вы пришли. Я нервный человек, и мне надо долго спать.

Он старался говорить убедительным тоном и больше походил на студента, чем на мужчину, которому за тридцать.

Вблизи, однако, можно было заметить печать усталости на его лице, что никак не сочеталось с его юным видом. Во всем его облике было что-то болезненное, выцветшее, но это придавало ему определенное очарование, которое могло бы привлекать зрелых женщин.

- Могу я попросить вас показать мне весь ваш гардероб? На этот раз он внутренне напрягся и, казалось, готов был решительно протестовать и ответить отказом.

- Если вы желаете. Пойдемте со мной...

Если его жена и подслушивала у двери, у нее было достаточно времени, чтобы удалиться от нее. Мегрэ увидел ее в конце коридора беседующей со служанкой в светлой и современной кухне.

Монсин толкнул дверь в спальню светло-коричневого цвета с диван-кроватью посередине. Комната была погружена в полумрак. Монсин отдернул занавеси, открыл дверцы встроенных в стены шкафов.

Шесть костюмов были тщательно отутюжены, словно их ни разу не надевали или они только что побывали в прачечной; три пальто, включая демисезонное, не считая смокинга и фрака.

Однако костюма из материи, образец которой лежал в кармане Лапуэнта, не было.

- Дай мне образец, - попросил комиссар. И протянул хозяину.

- Прошлой осенью вам портной сшил костюм из этой материи. Вы помните?

Монсин рассматривал кусочек материи.

- Я припоминаю.

- Что с ним стало?

Он, казалось, раздумывал.

- Я вспомнил, - сказал он наконец. - Кто-то мне прожег его сигаретой на автобусной площадке.

- Вы отдали его в починку?

- Нет. Я ненавижу хоть чуть испорченные вещи. Это похоже на манию, но такое у меня с детства. Еще ребенком, помнится, я не мог играть, если на игрушке была хоть одна царапина.

- Вы выбросили костюм? Хотите сказать, что выкинули его в мусорный ящик?

- Нет. Я отдал его.

- Сами?

- Да. Я взял его с собой на прогулку, что иногда со мной случается, и отдал его бродяге.

- И давно это было?

- Дня два-три тому назад.

- Точнее?

- Позавчера.

В правой части шкафа правильными рядами расположились туфли, ящики с рубашками, бельем, пижамами и платками. Все было в образцовом порядке.

- Где туфли, которые вы надевали вчера вечером? Он не дрогнул, не выдал себя.

- Я не надевал туфель, кроме этих домашних, потому что работал в кабинете.

- Вы можете позвать прислугу? Пройдемте в гостиную.

- Одиль! - крикнул Монсин, повернувшись в сторону кухни. - Вас просят зайти сюда на минутку.

Она, должно быть, недавно приехала в Париж, вид у нее был явно деревенский.

- Комиссар Мегрэ желает задать вам несколько вопросов. Прошу вас ответить на них.

- Хорошо, мосье.

Она тоже выглядела спокойной, с любопытством бросая взгляды на комиссара, о котором часто писали газеты.

- Вы спите в квартире?

- Нет, мосье. Моя комната на седьмом этаже. Я ночую там с другими служанками, которые работают в этом доме.

- Вы поздно ушли туда вчера вечером?

- Около девяти часов, как и каждый день, как только помыла посуду.

- Где был в тот момент господин Монсин?

- В своем кабинете.

- Как он был одет?
- Как сейчас.
- Вы уверены в этом?
- Да, точно.

С какого времени вы не видели его серого костюма с небольшими голубыми полосками? Она задумалась.

- Нужно сказать, что я не занимаюсь одеждой мосье. Он очень... щепетилен в этом вопросе... Она, видимо, хотела назвать эту черту своего хозяина "манией".

- Вы хотите сказать, что он сам утюжит свою одежду?

- Да.

- И вам не разрешают открывать ящики гардероба?

- Только после того, как белье приходит из прачечной, и его нужно положить туда.

- Вы не помните, когда видели на нем последний раз серый костюм с голубыми прожилками?

- Кажется, два-три дня тому назад.

- Когда вы прислуживали за столом, вы не слышали разговоров о том, что костюм был прожжен сигаретой?

Она посмотрела на своего хозяина, как бы спрашивая у него совета, и прошептала:

- Не помню... Нет... Я никогда не прислушиваюсь к разговорам за столом... Они говорят о таких вещах, которые мне непонятны...

- Вы можете заниматься своими делами.

Марсель Монсин ожидал окончания разговора со спокойным видом и улыбался. Лишь капельки пота снова появились у него над верхней губой.

- Прошу одеться и следовать с нами на набережную Орфевр. Инспектор проводит вас.

- Ив ванную тоже?

- Извините, и в ванную. А я пока поговорю с вашей женой. Очень сожалею, господин Монсин, но не могу действовать иначе.

Архитектор-декоратор махнул рукой:

- Как вам угодно.

Около самой двери он обернулся и спросил:

- Могу я знать, чем обязан такой чести?..

- Нет, не сейчас. Потом, у меня в кабинете.

Мегрэ подошел к двери в коридор, позвал мадам Монсин, находившуюся на кухне:

- Мадам, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

ГЛАВА VI

СЕРЫЙ КОСТЮМ

- Ну, на этот раз настоящий? - насмешливо спросил маленький Ружин, когда в коридоре управления появились Лапуэнт и Мегрэ со своим пленником.

Мегрэ довольствовался тем, что отметил время ареста, медленно повернул голову и мельком взглянул на репортера. Тот смущенно закашлялся, а фотографы сразу же поумерили свой пыл.

- Присаживайтесь, господин Монсин. Если жарко, можете снять пиджак.

- Спасибо, не имею такой привычки.

Действительно, его трудно было представить неряшливым. Мегрэ снял пиджак и отправился к инспекторам отдать распоряжения. У него был потрепанный вид, голова втянута в плечи, блуждающий взгляд.

Вернувшись в кабинет, комиссар перебрал свои трубки, набил две из них, потом сделал знак Лапуэнту остаться для ведения протокола допроса.

Тот походил на пианиста-виртуоза, который нерешительно усаживается за инструмент, передвигая стул, несмело прикасается к клавишам, как бы привыкая к роялю.

- Вы давно женаты, господин Монсин?

- Двенадцать лет.

- А сколько вам лет?

- Тридцать два. Я женился в двадцать лет. Затем последовала долгая пауза, во время которой Мегрэ разглядывал свои руки.

- Вы архитектор? Монсин поправил:

- Архитектор-декоратор.

- Это значит, что вы архитектор, специализирующийся на декорации интерьера?

- Не совсем так, - собеседник немного покраснел.

- Вас не очень затруднит объяснить мне?

- Я не имею права делать проекты жилых домов, такое право дает диплом архитектора.

- Какой же диплом у вас?

- Я начинал с живописи.

- В каком возрасте?

- В семнадцать лет.

- Вы сдавали на степень бакалавра?

- Нет. В юности я хотел стать художником. Картины в гостиной мои.

Мегрэ, только недавно созерцавший их в квартире Монсина, так и не мог понять, что они изображали. Картины содержали что-то печальное, извращенное. Ни линии, ни цвета не были четко выражены. Преобладал красно-фиолетовый тон, который причудливо смешивался с зеленым цветом, похожим на краски подводного мира, и можно было подумать, что вся эта масляная живопись сама появилась на картинах, подобно чернильному пятну на промокательной бумаге.

- Итак, у вас нет диплома архитектора, а декоратором, если я вас правильно понял, может быть любой человек?

- Я заметил вашу манеру уточнять. Думаю, вы хотели напомнить мне, что я неудачник. - Он горько усмехнулся. - Вы имеете право. Мне это уже говорили.

- У вас много заказчиков?

- Я предпочитаю иметь тех немногих, но таких, которые доверяют мне и предоставляют полную свободу действий, чем толпу, стоящую над душой.

Мегрэ выбил трубку и зажег следующую. Редко допрос начинался так издали.

- Вы родились в Париже?

- Да.

- В каком квартале?

Монсин немного помедлил с ответом.

- На пересечении улиц Коленкур и Местр. То есть в самой середине района, где произошло пять убийств и это последнее неудачное покушение.

- И долго вы там жили?

- До самой женитьбы.

- Ваши родители живы?

- Только мать.

- Она живет?..

- В том же доме, где я родился.

- Вы в хороших отношениях с ней?

- Моя мать и я всегда очень любили друг друга.

- Кем был ваш отец, господин Монсин? На этот раз он опять заколебался, хотя ничего такого при вопросе о матери Мегрэ не заметил.

- Он был мясник.

- На Монмартре?

- Адрес я уже называл.

- Он умер?

- Когда мне было четырнадцать лет.

- Ваша мать продала лавку?

- Сначала она сдала ее в аренду, а потом продала все, кроме дома. Ее квартира находится на пятом этаже.

В дверь тихо постучали. Мегрэ отправился в кабинет инспекторов, где увидел четырех мужчин, ростом, возрастом и внешностью сходных с Монсином.

Это были служащие префектуры, подобранные Торрансом.

- Не могли бы вы, господин Монсин, встать и занять место среди этих господ?

Несколько минут в комнате царило молчание. Наконец снова раздался стук в дверь.

- Войдите! - крикнул комиссар.

Вошла Марта Жюссеран. Она очень удивилась, увидев столько людей в кабинете. Посмотрела сначала на Мегрэ, потом на мужчин, нахмурилась, когда ее взгляд остановился на Монсине.

Все затаили дыхание. Она побледнела, когда поняла, в чем дело, и осознала, какая ответственность ложится на ее плечи. Эта мысль так огорошила ее, что она готова была расплакаться.

- Не спешите, - посоветовал ей комиссар ободряющим тоном.

- Это он, не так ли? - пробормотала она.

- Вам это лучше знать, чем кому-либо. Ведь вы единственная, кто видел его.

У меня впечатление, что это он. Я уверена в этом. И все же...

- Что все же?

- Я хочу посмотреть его в профиль.

- Встаньте в профиль, господин Монсин.

Он повиновался, ни один мускул не дрогнул на его лице.

- Теперь я почти совсем уверена. Он не так был одет. Совсем другое выражение глаз...

- Сегодня вечером, мадемуазель Жюссеран, мы привезем вас на то место, где вы видели своего обидчика. Посмотрите на него при том же освещении и, может быть, в той же одежде.

Инспектора уже обшаривали все закоулки Парижа в поисках злополучного костюма.

- Я вам больше не нужна?

- Нет. Спасибо. А вы, господин Монсин, можете сесть. Сигарету?

- Спасибо. Я не курю.

Мегрэ оставил его под присмотром Лапуэнта, приказав не спрашивать ни о чем, не разговаривать с ним и отвечать уклончиво, если тот все-таки о чем-нибудь спросит.

В кабинете инспекторов комиссар увидел Лоньона, пришедшего за указаниями.

- Пройди в мой кабинет и посмотри на всякий случай на типа, который там находится вместе с Лапуэнтом.

А он тем временем позвонил судье Комельо, зашел на минуту к начальнику управления, чтобы ввести его в курс дела. Потом нашел задумавшегося Лоньона, словно тот тщетно пытался что-то вспомнить.

- Ты знаешь его?

Лоньон работал в комиссариате квартала Гранд-Карьер уже двадцать два года. Он жил метрах в пятистах от дома, где родился Монсин.

- Уверен, что я его уже видел. Но где? При каких обстоятельствах?

- Его отец был мясником на улице Коленкур. Он умер, но мать еще живет в том доме. Пойдем со мной.

Они сели в одну из небольших машин уголовной полиции, и шофер-инспектор довез их до Монмартра.

- Я все стараюсь вспомнить. Уверен, что знаю его. Я бы поклялся, что между нами что-то было.

- Может быть, ты когда-нибудь штрафовал его?

- Нет, не это. Но я еще вспомню.

Лавка была все еще на месте. В ней - три или четыре продавца и пухленькая кассирша.

- Мне идти с вами?

- Да.

Лифт был тесен. Когда они вошли, консьержка бросилась к ним.

- Вам кого?

- Мадам Монсин...

- На пятом этаже.

- Я знаю.

Дом, хотя и хорошо сохранился, разительно отличался от таких же, расположенных на бульваре Сен-Жермен. Более узкая лестничная клетка, одинаковые двери, натертые до блеска ступеньки без ковриков, визитные карточки, заменявшие медные таблички.

Открывшая дверь женщина оказалась гораздо моложе, чем ожидал Мегрэ.

Она была худой и нервной.

- Что вам угодно?

- Комиссар Мегрэ, уголовная полиция.

- Вы уверены, что вам нужна именно я?

Насколько ее сын был светел, настолько она была темноволосая, с маленькими горящими глазами и пушком на верхней губе.

- Входите. Извините, я убиралась.

Обычная квартира. Маленькие комнаты. Мебель времен замужества ее хозяйки.

- Вы видели своего сына вчера вечером? Что нужно полиции от моего сына?

- Потрудитесь ответить на мой вопрос.

- Почему я должна была его видеть?

- Я думаю, он приходил иногда к вам?

- Часто.

- С женой?

- Не представляю, к чему все эти вопросы? Она не пригласила их сесть, видимо, ожидая, что их беседа не будет продолжительной. Стены был" увешаны фотографиями Марсея Монсина разного возраста, некоторые из них были сделаны в деревне. Мегрэ заметил также картины и рисунки Монсина, сделанные им в детстве.

- Приходил ваш сын вчера вечером?

- Кто вам это сказал?

- Он приходил?

- Нет.

- А ночью?

- У него нет привычки приходить ко мне ночью. Не объясните ли, что значат эти вопросы. Я у себя дома и вольна поступать, как мне вздумается.

Мадам Монсин, к сожалению, должен сообщить, что ваш сын подозревается в совершении пяти убийств в течение последних месяцев.

Она уставилась на него, выпучив глаза.

- Что вы сказали?

- У нас есть веские основания предполагать, что это он убивал женщин на Монмартре и прошедшей ночью совершил новое покушение.

Она затряслась, но у Мегрэ промелькнула мысль, что она разыгрывает комедию. Ему показалось, что ее реакция непохожа на реакцию матери, узнавшей такую весть.

- Посмейте только осудить моего Марсея! Нет, это не правда; он невиновен, он чист, как.

Она глядела на фотографии сына и продолжала говорить:

- Посмотрите на него! Посмотрите и не спешите выдвигать против него такие чудовищные обвинения...

- Значит, ваш сын в эти сутки здесь не появлялся, не так ли?

Она с силой повторила:

- Нет, нет и нет!

- Когда вы видели его в последний раз?

- Я не помню.

- Вы не запоминаете его визиты?

- Нет.

- Скажите, мадам Монсин, не болел ли ваш сын какой-нибудь тяжелой болезнью в детстве?

- Ничем серьезнее кори и бронхита. А что вы думали я скажу? Что он сумасшедший? И был им все время?

- Вы давали согласие на женитьбу?

- Да. Это была такая глупость с моей стороны. Только я...

Она не кончила фразы, вырвавшейся у нее, казалось, против воли.

- Это вы организовали свадьбу?

- Теперь неважно.

- И сейчас вы не в ладах со своей невесткой?

- Какое вам дело до этого? Личная жизнь моего сына не касается никого: слышите, ни меня, ни вас. Если эта женщина...

- Что, если эта женщина?..

- Ничего! Вы арестовали Марселя?

- Он у меня в кабинете на набережной Орфевр.

- В наручниках?

- Нет.

- Вы посадите его в тюрьму?

- Возможно. Очень возможно. Девушка, на которую он напал этой ночью, узнала его.

- Она лжет. Я хочу видеть ее. Я хочу увидеть ее и сказать...

Это была четвертая или пятая фраза, начав которую, она недоговаривала до конца. Глаза ее были сухи и блестели от гнева или нервной лихорадки.

- Подождите меня. Я еду с вами.

Мегрэ и Лоньон переглянулись. Ведь ее не приглашали. Здесь она решала. Было слышно сквозь приоткрытую дверь, как она одевалась.

- Если вас стесняет мое присутствие, я поеду на метро.

- Предупреждаю, что инспектор останется здесь и осмотрит квартиру.

Она посмотрела на худощавого Лоньона с видом, будто собиралась взять его за шиворот и выставить вон.

- Он?

- Да, мадам. Если хотите удостовериться, я представлю ордер на обыск.

Ничего не ответив, она направилась к двери и бросила:

- Пойдемте!

Выйдя уже на лестничную площадку, она обратилась к Лоньону:

- А вас я, кажется, где-то видела. Если, не дай бог, вы что-нибудь разобьете или перевернете все вверх дном в моих ящиках...

Всю дорогу, сидя рядом с Мегрэ в машине, она бормотала себе под нос:

- А, нет, не выйдет... Пойду к начальству, если потребуется... К министру, к президенту республики... Газеты напечатают то, что я им скажу...

В коридоре уголовной полиции фотографии, было, бросились со своей техникой к ней, но она на них так взглянула, что они вынуждены были отступить.

- Сюда.

Очутившись в кабинете Мегрэ, где, кроме дремавшего Ла-пуэнта и ее сына, никого не было, она остановилась, посмотрела на него, облегченно вздохнула и, подходя к нему, сказала:

- Не бойся, Марсель. Я здесь.

Монсин поднялся и с упреком посмотрел на Мегрэ.

- Что они сделали с тобой? Они не тронули тебя?

- Нет, мама.

- Они дураки! Это говорю тебе я: они дураки! Я найду лучшего адвоката в Париже. Цена не играет никакой роли. Я отдам все, что у меня есть. Я продам дом. Я буду побираться на улице.

- Успокойся, мама.

Он не смел поднять глаза и, казалось, извинялся перед полицейскими за поведение матери.

- Ивонна знает, что ты здесь?

Она оглянулась. Как, в такой момент ее невестки нет рядом с мужем?!

- Она знает.

- И что она сказала?

- Присаживайтесь, мадам...

- Мне нечего присаживаться. Я хочу, чтобы вы вернули мне сына.

Пойдем, Марсель. Они пожалеют, если посмеют, если посмеют задержать тебя.

Сожалею, но отвечу "нет". Итак, вы его задерживаете?

Во всяком случае, он находится в распоряжении правосудия.

- Это то же самое. Вы хорошо подумали? Вы уверены в своих возможностях? Предупреждаю, что я этого так не оставлю и переверну вверх дном...

- Потрудитесь сесть и ответить на несколько вопросов.

- Ни за что!

На этот раз она подошла к сыну и обняла его.

- Не бойся, Марсель. Не унывай. Твоя мать тут. Я с тобой. Скоро ты будешь со мной.

И зло посмотрев на Мегрэ, с решительным видом направилась к двери.

Лапуэнт ждал указаний. Мегрэ кивком велел отпустить ее, и было слышно, как в коридоре она бог весть что кричала журналистам.

Ваша мать, кажется, очень любит вас.

- Кроме меня, у нее никого нет.

Она была очень привязана к вашему отцу?

- Он открыл рот, чтобы ответить, но предпочел промолчать, и комиссар понял его.

- Каков человек был ваш отец?

Он вновь заколебался.

- Ваша мать была несчастлива с ним? Наконец он глухо проронил:

- Он был мясник. Вы стыдитесь этого?

- Прошу, господин комиссар, не задавайте мне подобных вопросов. Я знаю, куда вы клоните. Я могу сказать вам, что вы ошибаетесь. Видели, в какое состояние вы повергли мою мать...

Она сама довела себя.

Думаю, что где-нибудь на бульваре Сен-Жермен или рядом, ваши люди проделывают то же самое с моей женой? Теперь пришел черед промолчать Мегрэ.

Она вам ничего не скажет. Как и моя мать. Не больше, чем я.

Допрашивайте меня, сколько хотите, но оставьте их в покое.

- Сядьте на место.

- И надолго?

- Вероятно.

- Я, наверное, не могу ни есть, ни пить?

- Что бы вы хотели?

- Воды.

- Не желаете пива?

- Ни пива, ни вина. Я вообще не пью спиртного.

- И не курите, - задумчиво сказал Мегрэ. Он отозвал Лапуэнта к двери:

- Начни допрос с маловажных вопросов, не углубляйся в суть дела.

Расспроси его о костюме. Выясни, чем он занимался второго февраля, третьего марта, во все дни, когда были совершены убийства на Монмартре.

Выясни, видел ли он мать в это время, если да, то когда, днем или вечером, и почему мамаша с невесткой в ссоре...

А сам отправился обедать в пивную "Дофин", где, усевшись за столик, выбрал телячье рагу. Потом позвонил жене и сказал, что задержится.

Попытался дозвониться до профессора Тиссо. Ему очень хотелось увидеть его, поговорить, как тогда, в гостиной" Пардона. Но Тиссо был занят. К тому же у Мегрэ не было к нему определенных вопросов.

Неизвестно отчего, но Мегрэ устал и был меланхоличен. Испытывал чувство, что цель совсем близка. Против ожидания все произошло гораздо быстрее, чем можно было предположить. Марта Жюссеран узнала его, а то, что она была не очень категорична, объяснялось ее сомнениями в своей правоте.

История с костюмом, отданным бродяге, еще не прояснилась. Однако скоро все станет известно: бродяг в Париже не так уж много, и все они были более или менее известны полиции.

- Я вам больше не нужен, шеф? - это был Мазет, так блестяще сыгравший роль убийцы и теперь оказавшийся без дела. - Я из управления. Мне показали этого типа. Вы думаете, это он?

Мегрэ пожал плечами. Прежде всего, он должен понять. Легко понять человека, совершившего насилие или далее убившего другого в драке, в порыве гнева, из зависти или чтобы завладеть наследством. Такие преступления, так сказать, обыденные, раздражали его, но не очень волновали.

- Идиоты! - обычно ругался он.

Мегрэ считал, что, если преступник достаточно умен, ему совсем необязательно убивать свою жертву. Он мог влезть в их шкуру, восстановить ход их мыслей, цепочку эмоций.

Перед Марселем Монсином же он чувствовал себя новичком. Именно поэтому не решился вести допрос сам.

На этот раз перед ним был человек, преступивший законы общества и сделавший это более или менее сознательно. Этот человек отличался от других, он убивал без каких бы то ни было понятных другим причин. В манере разрезать одежду было что-то болезненно-инфантильное.

Ведь в определенном смысле Монсин был умен. В его юности не было ничего ненормального. Он женат и, кажется, удачно. И хотя его мать несколько экспрессивна, между ними есть какое-то сходство.

Давал ли он себе отчет в том, что все кончено? Понял ли он это сегодня утром, когда пришла его жена и, разбудив, сказала, что в гостиной ждут полицейские?

Как реагируют подобные люди? Страдает ли он? Было ли ему в промежутках между кризисами стыдно или он злился на себя за эти инстинкты? Или, наоборот, испытывал определенное удовлетворение, что он не такой, как все, что в его понятии это казалось превосходством над другими?

- Кофе, Мегрэ?

- Да.

- Рюмку коньяку?

Нет! Если он выпьет коньяку, то может задремать. Он и так чувствовал тяжесть во всем теле, как это случалось всегда в какой-то момент любого расследования, когда он пытался понять преступников, с которыми имел дело.

- Похоже, вы его арестовали?

Он молча посмотрел на хозяина пивной большими глазами.

- Я прочитал об этом в одной из газет, которая вышла в полдень. Там говорится, что на этот раз вы задержали настоящего убийцу. Ну и пришлось же вам с ним помучиться! Кое-кто утверждал, что, как и Джека Потрошителя, вы его никогда не поймаете.

Мегрэ допил кофе, зажег трубку и вышел на воздух, раскаленный, неподвижный, зажатый между улицами и низким небом цвета грифельной доски.

В кабинете инспекторов сидел нищий. На нем - пиджак, который совсем не сочетался с остальной одеждой.

Это был пресловутый пиджак Марсея Монсина.

- Где вы его нашли? - спросил Мегрэ.

- На углу около моста Аустерлиц.

Он обращался не к бродяге, а к своим инспекторам.

- Что он сказал?

- Что нашел пиджак на берегу.

- Когда?

- Сегодня утром, в шесть часов.

- А брюки?

- Тоже. Их было двое друзей. Они поделили костюм. Того, что в брюках, мы не нашли, но за этим дело не станет.

Мегрэ подошел к бродяге, осмотрел пиджак и, действительно, увидел след сигареты.

- Сними.

Под пиджаком сорочки не оказалось, только нательная рубаша.

- Ты уверен, что это было сегодня утром?

- Мой друг подтвердит. Его зовут Большой Поль. Эти господа знают его.

Мегрэ тоже знал. Он протянул пиджак Торрансу.

- Отнеси Моэрсу. Я не знаю, возможно ли, но необходимо определить, давнишний след сигареты или нет. Скажи ему, что в данном случае период в двадцать восемь часов. Ты понял!

- Да, шеф.

- Был ли пиджак прожжен прошлой ночью или сегодня утром...

Он направился в свой кабинет.

- Ну, как они там?

- Лапуэнт заказал пиво и бутерброды.

- На двоих?

- Бутерброды - да. Тот пьет минеральную воду.

Мегрэ толкнул дверь. Лапуэнт сидел на его месте, обложившись бумагами, делал какие-то пометки и выискивал, какой вопрос бы еще задать.

- Зря ты открыл окно. Только жарче стало.

Он пошел закрыть его. Монсин следил за ним с упреком, как животное, которое мучают дети, а оно не может защищаться.

- Ну что ж, посмотрим... Вопросы, ответы. Ничего нового.

- Что слышно?

- Звонил господин Ривьер и сообщил, что будет защитником. Он хотел сразу же приехать. Я порекомендовал ему обратиться к судебному следователю.

- Ты правильно сделал. Еще?

- Звонил Жанвье. С бульвара Сен-Жермен. В кабинете у него много скребков, различных инструментов, которые вполне могли бы служить орудием преступления. В спальне он нашел автоматически открывающийся нож с лезвием около восьми сантиметров.

Судебно-медицинский эксперт доктор Поль много рассказывал об этом интересующем его оружии. Обычно преступления такого рода совершаются с применением мясницкого или кухонного ножа, наконец, кинжалом, стилетом.

- Судя по форме и глубине порезов, я могу сказать, что они нанесены обычным перочинным ножом, - сказал он. - Известно, перочинный нож: складывается. Необходим механический стопор. Само по себе не очень грозное оружие. Чтобы оно стало смертельным, зависит от умения им воспользоваться.

- Мы нашли ваш пиджак, господин Монсин.

- На набережной?

- Да.

Он было открыл рот, но промолчал.

- Хорошо пообедали?

Тарелка была еще тут, и на ней лежала половина бутерброда с ветчиной.

Бутылка с минеральной водой была пуста.

- Устали?

Он ответил с насмешливым покорством. Все в нем, включая одежду, было из полутонов. Он сохранил с детства какую-то скромность и робость. Было ли это от его светлых волос, голубых глаз или от слабого здоровья?

Конечно, завтра он пройдет через руки врачей и психиатров. Но надо спешить.

- Я сменю тебя, - сказал Мегрэ Лапуэнту.

- Я могу идти?

- Будь поблизости. Предупреди меня, если Моэрс найдет что-нибудь новое.

Дверь закрылась. Он снял пиджак, опустился в кресло и положил руки на стол. Марсель Монсин отвернулся к окну. Минут пять Мегрэ рассматривал его.

- Вы очень несчастливы? - неохотно пробормотал он. Человек вздрогнул, взглянул на него и, сделав паузу, ответил:

- Почему я должен быть несчастливым?

- Когда вы пришли к мысли, что отличаетесь от других? Выражение его лица изменилось, но он тем нее насмешливым тоном спросил:

- Вы находите, что я не такой, как все?

- Когда вы были молоды...

- А! И что же?

- Вспомнили?

В этот момент у Мегрэ появилось чувство, что, если он найдет точные слова, преграда между ним и человеком напротив, напряженным и настороженным, рухнет. Не придумал же он это движение в лице? Произошел сдвиг, на несколько секунд, и это отразилось в чуть повлажневших глазах Марселя Монсина.

- Вы ведь не боитесь ни эшафота, ни тюрьмы, не так ли? Неужели Мегрэ выбрал не правильную тактику? Неверную фразу?

Его собеседник вновь напрягся. Внешне он был абсолютно спокоен.

- Мне нечего бояться, так как я невиновен.
- Невиновен в чем?
- В том, в чем вы меня обвиняете. Мне нечего больше сказать. Я не буду больше отвечать. Это были не просто слова. Чувствовалось, что он принял решение и будет его выполнять.
- Как вам угодно, - усмехнулся Мегрэ, нажимая кнопку звонка.

ГЛАВА VII

НОВОЕ УБИЙСТВО

Мегрэ совершил ошибку. Избежал ли ее кто-нибудь другой на его месте?

Потом он часто задавал себе этот вопрос, но, увы, удовлетворительного ответа не находил.

Было около половины четвертого, когда он поднялся в лабораторию.

Моэрс встретил его вопросом:

- Вам передали мое заключение?

- Нет.

- Я послал его вам, и вы, наверное, разминулись с посыльным. След сигареты был сделан не более двенадцати часов назад. Если хотите, я объясню...

- Не надо. Ты уверен в этом?

- Конечно. Тем не менее, я тщательно проведу опыты. Думаю, ничего нет страшного в том, что прожгу пиджак в двух других местах, на спине. Это поможет нам, если дело дойдет до суда присяжных.

Мегрэ кивнул и вышел.

А в это время Марсель Монсин находился в следственном отделе, где предстал перед врачами для первичного осмотра в обычных обследованиях и измерениях, а потом вновь одетым, но без галстука, его сфотографировали в фас и профиль.

Газеты уже напечатали его фотографии, сделанные в момент появления в уголовной полиции, а инспектора со снимками из квартиры на Гранд-Карьер проводили бесконечные опросы служащих метро, продавцов, всех людей, кто мог видеть декоратора накануне или во время предыдущих покушений.

Во дворе комиссар сел в машину и поехал на бульвар Сен-Жермен. Та же служанка, что и утром, открыла дверь.

- Ваш коллега в гостинной, - сказала она.

Она имела в виду Жанвье, который был один и писал докладную о результате обыска.

- Где его жена?

- Полчаса тому назад она попросила разрешения пойти отдохнуть.

- Как она вела себя все это время?

- Я не часто видел ее. Время от времени приходила и спрашивала, не нужно ли мне чего.

- Ты не допрашивал ее?

- Вы не говорили мне об этом.

- Думаю, ты вряд ли нашел что-нибудь интересное.

- Я разговаривал со служанкой. Она здесь всего шесть месяцев. Гости бывали редко, да и сами не часто ходили куда-нибудь. Монсины, кажется, не имеют близких друзей. Время от времени они ездили проводить уик-энд у ее родителей, у них, кажется, вилла в Триеле.

- Что они за люди?

- Ее отец работает фармацевтом на площади Клиши.

Лапуэнт показал Мегрэ фотографию людей, сделанную в саду. Он узнал Монсина в светлом костюме, его жену. Кроме них, там были мужчина с проседью в бороде и смеющаяся женщина, облокотившаяся на капот автомобиля.

- А вот еще одна. Эта молодая дама с двумя детьми - сестра мадам Монсин. Она замужем за владельцем гаража в Ле-валуа. У них есть еще брат. Он сейчас в Африке.

Альбом был полон фотографий, в основном мадам Монсин, только на первом снимке была запечатлена молодая чета в день свадьбы.

- Несколько деловых писем. У него, кажется, было не больше дюжины заказчиков. Счета. Как я понял, они не платили по ним, пока им не напоминали об этом по три-четыре раза.

Мадам Монсин, видимо, услышавшая приход Мегрэ или предупрежденная об этом служанкой, показалась в дверном проеме. Лицо ее осунулось, хотя она была аккуратно причесана и напудрена.

- Вы не привезли его обратно? - спросила она.

- Пока мы не получили от него удовлетворительного объяснения по некоторым фактам.

- Вы всерьез думаете, что это он?

Мегрэ не ответил, а она в свою очередь не стала горячо протестовать, а только пожала плечами.

- Однажды вы узнаете, что обманулись, и будете сожалеть о той боли, которую причинили другим.

- Вы любите его?

- Он мой муж, - ответила она.

Значило ли это, что она любит его или что, будучи его женой, она должна оставаться на его стороне?

- Он в тюрьме?

- Нет еще. Он на набережной Орфевр. Мы будем его допрашивать.

- Что он сказал?

- Он отказался отвечать. Вам действительно нечего сказать, мадам Монсин?

- Нечего.

- Вы ведь оттого спокойны, что если даже ваш муж виновен, что я очень и очень предполагаю, ему не грозят ни гильотина, ни каторжные работы. Я только что сказал ему об этом. Не сомневаюсь, что врачи признают его невменяемым. Человек, совершающий пять убийств только затем, чтобы разрезать их одежду, - больной. Когда у него нет кризиса, он может ввести в заблуждение. Действительно, он сбивает с толку, ведь до сих пор его никто не подозревал. Вы слушаете меня?

- Слушаю. - Она слышала, но было видно, что не относит его выступление на свой счет. Это не было проблемой ее мужа. Мегрэ посмотрел на муху, бьющуюся за занавеской.

- Пять женщин было убито, и пока убийца или маньяк, или сумасшедший, называйте его как хотите, находится на свободе, другие жизни в опасности. И вы спокойны? Ведь он убивает на улице прохожих. А вдруг все изменится, и он примется за окружающих? Вы не боитесь?

- Нет.

- Вам не кажется, что все эти месяцы, может быть, годы вы подвергались смертельной опасности?

- Нет.

Это было обескураживающе. Ее поведение не было поведением проигравшего. Она оставалась спокойной, почти безмятежной.

- Вы видели мою свекровь? Что она сказала?

- Она протестует. Могу я спросить, почему вы с ней в холодных отношениях?

- Неважно. Это не тема для разговора. Что же оставалось делать?

- Можешь возвращаться, Жанвье.

- Муж вернется домой?

- Нет.

Она проводила их до двери.

Ну, на сегодня, кажется, все.

Мегрэ пообедал в компании с Лапуэнтотом и Жанвье, а Люка сидел с глазу на глаз с Марселем Монсином в кабинете комиссара. Потом надо было прибегать к уловке, чтобы увести задержанного из полицейского управления обходным путем, поскольку коридоры здания были оккупированы журналистами и фотографами.

Около восьми часов на тротуар упало несколько крупных капель дождя, и все ждали грозы, но она, если и была, то где-то в стороне, а тут все небо оставалось такого же ядовито-черного цвета.

Точного часа нападения в тот вечер дожидаться не стали: уже к девяти часам стало темно, и уличное освещение было включено.

Мегрэ, переговариваясь с репортерами, спустился по лестнице. Люка и Жанвье сделали вид, что ведут Монсина в тюрьму (на этот раз в наручниках), но, оказавшись во дворе, все сели в машину.

Вскоре они были на углу улицы Норвин, где их поджидали Марта и ее жених.

Все остальное заняло несколько минут. Монсина отвели в закоулок, где было совершено нападение. Он был в своем прожженном пиджаке.

- Освещение такое же? Марта осмотрелась вокруг.

- Да. Все так же.

- А теперь постарайся посмотреть на него, как в гот раз, когда ты увидела его при нападении.

По ее указанию Монсин несколько раз переходил с места на место.

- Вы узнали его?

Сильно волнуясь, прерывисто дыша, она что-то бормотала. Потом посмотрела на жениха, державшегося все время в стороне, и резко спросила:

- Мой долг говорить правду, не так ли?

- Да, конечно.

И она, взглянув на Монсина, всем своим видом выражавшего безразличие, и как бы извиняясь перед ним, сказала:

- Я уверена, что это он.

- Вы категорически заявляете это?

Она утвердительно кивнула головой и внезапно разрыдалась.

- Вы нам больше не потребуетесь. Благодарю вас, - сказал ей Мегрэ и подтолкнул в направлении к жениху. - Вы слышали, мосье Монсин?

- Я слышал.

- Вам нечего сказать?

- Нечего.
- Уведите его.
- Спокойной ночи, шеф.
- Спокойной ночи, ребята. Мегрэ забрался в одну из машин.
- Домой, бульвар Ришар-Ленуар.

Но у сквера Анвер он остановил машину и вышел, чтобы выпить кружку пива.

Теперь все определилось. Завтра судья Комельо, без сомнения, захочет допросить Монсина и отправить его к специалистам на проверку умственных способностей.

Полиции осталась обычная работа: найти свидетелей, допросить их, сформулировать и как можно полнее аргументировать дело.

Откуда же эта неудовлетворенность? С профессиональной точки зрения он сделал все, что нужно. Просто он еще не все понял. Не было самого главного. Ни разу он не почувствовал человеческого контакта со своим собеседником.

Волновало его и отношение ко всему этому мадам Монсин. Он еще надеялся на нее.

- У тебя утомленный вид, - заметила мадам Мегрэ. - Расследование действительно закончено?
- Кто это сказал?
- Газеты. Да и радио тоже.

Комиссар пожал плечами. После стольких лет совместной с ним жизни она еще верила в то, что писали газеты!

- Да, в некотором смысле расследование завершено. Он пошел в спальню и начал раздеваться.
- Надеюсь, что завтра ты можешь поспать побольше?

Он тоже этого хотел, так как сильно устал и у него было плохое настроение, причину которого он не мог определить и сам.

- Ты чем-то недоволен?
- С чего ты взяла? Не беспокойся, со мной это бывает, когда мне попадают такие дела.

Возбуждение, охватившее его во время розыска преступника, спало, и он ощущал как бы пустоту в голове.

- Не обращай внимания. Налей-ка мне стаканчик, чтобы я как убитый проспал десять часов.
- И, посмотрев на часы, лег. Где-то рядом в квартале лаяла собака.

Внезапно зазвонил телефон. Спросонья, не зная сколько прошло времени и где он находится, Мегрэ протянул неуверенно руку к надрывающемуся аппарату, попутно опрокинув стакан с водой.

- Алло?.. - хрипло спросил он.
- Это вы, комиссар?
- Кто говорит?
- Я, Лоньон. Прошу прощения, что разбудил. Голос инспектора - "неудачника" был грустен.
- Да, я слушаю. Ты где?
- Улица Местр.

И тихо, как бы сожалея, продолжал:

- Произошло новое убийство... Женщина... Ножом.. Платье разрезано...

Мадам Мегрэ залегла свет и увидела мужа, сидящим в постели, протирающим глаза.

- Вы уверены? Алло! Лоньон?
- Да, это я.

- Когда? Стойте, который час?

- Десять минут первого.

- Когда это произошло?

- Примерно три четверти часа назад. Я буду ждать вас в управлении. Я один тут.

- Еду...

- Еще одна? - спросила жена. Он кивнул.

- Я думала, убийца под замком.

- Монсин в тюрьме. Вызови мне управление, пока я буду одеваться...

- Алло... Уголовная полиция? С вами будет говорить комиссар Мегрэ...

- Алло! Кто у аппарата? - гремел Мегрэ. - Это ты, Мовуазен? Ты в курсе? Я думаю, наш друг в порядке?.. Как?.. Ты должен убедиться?.. Я займусь этим... Вышли мне машину... Да, ко мне!

Мадам Мегрэ поняла, что лучше не вмешиваться, и подошла к буфету.

Налив стаканчик сливовицы, протянула мужу. Он машинально выпил. Она проводила его до двери и долго слушала, как он спускается по лестнице.

По дороге, сжав зубы, Мегрэ смотрел прямо перед собой, а когда они подъехали к небольшой группе людей в плохо освещенном закоулке улицы Местр, сильно хлопнул дверцей.

У Лоньона было такое выражение, будто у него в семье кто-то умер.

- Я был на дежурстве, когда позвонили. Тут же приехал.

Около тротуара стояла "скорая помощь". Санитары ждали указаний. Там было еще несколько зевак.

На тротуаре, около стены, лежало тело женщины. От него текла струйка крови.

Подошел, как догадался Мегрэ, квартальный врач.

- Я насчитал, по крайней мере, шесть ножевых ран, - сказал он. - Точнее смогу сказать, только обследовав труп.

- Все раны на спине?

- Нет. Четыре на груди. Одна на голове. Ее, вероятно, нанесли позже, может быть, когда жертва уже упала.

- Последний удар! - усмехнулся Мегрэ.

Не явится ли это убийство последним ударом?

- Кроме того, есть незначительные порезы на предплечьях и ладонях.

Мегрэ нахмурил брови.

- Выяснили, кто она? - спросил он, кивнув в сторону трупа.

- Я нашел в сумочке удостоверение личности. Жанин Лоран, прислуга" супругов Дирандо на улице Коленкур.

- Сколько ей лет?

- Девятнадцать.

Мегрэ не хотел смотреть на нее. Маленькая служанка надела наверняка свое лучшее платье, небесно-голубого цвета, почти бальное. Конечно, она шла на танцы. На ней были туфли на очень высоком каблуке. Одна соскочила.

- Кто сообщил?

- Я, господин комиссар.

Это был полицейский-мотоциклист, спокойно ожидавший своей очереди.

- Мы с приятелем совершали объезд, когда я увидел на тротуаре...

Когда он подошел к телу, оно было теплым, и из ран сочилась кровь.

Поэтому подумал, что она еще жива.

- Отвезите ее в судебно-медицинский институт и предупредите доктора Поля.

И Мегрэ обратился к Лоньону.

- Ты отдал распоряжения?

- Я вызвал в квартал всех людей, которых мог найти. А что толку?

Когда это приносило результат? Как смерч подъехала машина, завизжали тормоза. Из нее вышел всклокоченный Ружин.

- В чем дело, мой дорогой комиссар?

- Кто известил вас? - агрессивно проворчал Мегрэ.

- Кто-то с улицы... Есть еще люди, верящие в полезность прессы...

Ведь это не тот?..

И больше не отвлекая комиссара, он поднялся на тротуар. За ним поплелся его фотограф. Репортер задавал обычные вопросы собравшимся вокруг него прохожим.

- Займись остальным, - проворчал Мегрэ Лоньону.

- Вам никто не нужен?

Он отрицательно покачал головой и сел в машину, поглощенный какими-то своими мыслями.

- Куда ехать, шеф? - спросил шофер. Тот растерянно поглядел на него.

- Спустись вниз до площади Клиши или до площади Бланш.

В управлении ему делать было нечего.

Да и что можно было сделать после того, что случилось? А вернуться домой спать у него не хватало смелости.

- Подождите меня здесь.

Площадь Клиши была залита светом, террасы кафе тоже были ярко освещены.

- Что угодно, мосье?

- Все равно.

- Вина? Коньяку?

- Вина.

За соседним столиком женщина с платиновыми волосами и открытой грудью пыталась вопреголоса убедить своего компаньона увести ее в соседний кабачок, светившийся неоновой вывеской.

- Я уверяю тебя, ты не пожалеешь. Может быть, это дорого, но...

Понимал ли он ее? Это был американец или англичанин, который все качал головой повторяя:

- Ноу! Ноу!

- Ты больше ничего не умеешь говорить? "Ноу!.. Ноу!.." А если я тоже скажу: "Ноу!" и брошу тебя?

Он улыбнулся невозмутимо, а она, потеряв терпение, подозвала официанта и сделала новый заказ.

- Принесите, пожалуйста, бутерброд. Он не хочет поужинать в кабачке напротив.

Мегрэ подозвал официанта, заказал:

- Еще один!

Ему необходимо дать себе время успокоиться. Только что на улице Местр его первым порывом было помчаться в тюрьму, ворваться в камеру к Марселю Монсину и трясти его до тех пор, пока тот не заговорит.

- Признавайся, мерзавец, что это ты...

Почти до боли он был в этом уверен. Не может быть, чтобы он во всем ошибся! И сейчас у него не было жалости, даже любопытства к этому лжеархитектору. Только злость, почти ярость.

Мало-помалу под воздействием человеческого спектакля и прохлады ночи она улетучивалась, уходила. Он знал, что совершил ошибку, и теперь понял какую. Было слишком поздно что-нибудь возратить, девушка была мертва, деревенская девушка, которая, как тысячи других, приехала в Париж в поисках счастья и отправлялась на танцы, проведя день на кухне.

Было слишком поздно проверять мысль, пришедшую ему сейчас. Сейчас он ничего не выяснит. Если следы существуют, если есть шанс найти свидетелей, можно подождать и до утра.

Его люди тоже изнурены. Все это длится слишком долго. Когда они прочитают утром в газетах, в метро или в автобусе по пути на набережную Орфевр, их тоже охватит оцепенение, такое же уныние, какое только что владело их комиссаром. Не окажется ли среди них тот, кто станет сомневаться в нем? У Лоньона был извиняющийся голос, когда он звонил, а на улице Местр он встретил комиссара с таким видом, словно хотел выразить соболезнование.

Мегрэ представил реакцию судьи Комельо, его телефонный звонок после того, как тот откроет газету.

Тяжело ступая, комиссар направился в глубину кафе и попросил в кассе жетон, чтобы позвонить ясене.

- Это ты? - удивленно воскликнула она.

- Я хотел просто сказать, что сегодня не вернусь домой.

Без какой-нибудь видимой на то причины. У него не было срочных дел, только вариться в собственном соку. Он почувствовал желание очутиться в родной атмосфере, в своем кабинете, со своими людьми.

Спать не хотелось. Придет время, когда все это благополучно кончится и он, может быть, попросит отпуск.

Так было всегда. Он ждет отпуска, а потом, когда приходит время, находят причины, чтобы остаться в Париже.

- Официант, счет!

Он расплатился и направился к машине.

В управление!

Он застал Мовуазена и двух других за трапезой, состоявшей из колбасы и красного вина.

- Сидите, ребята, сидите! Ничего нового?

- Все так же. Допрашивают прохожих. Задержали двоих: у них документы не в порядке.

- Позвони Жанвье и Лапуэнту. Попроси обоих приехать сюда к половине шестого.

В течение часа, уединившись в кабинете, он читал и перечитывал протоколы допросов, особенно матери Монсина и его жены.

После этого, расстегнув рубашку, повернувшись лицом к окну, застыл в кресле и, казалось, дремал. Спал ли он? Кто знает? Во всяком случае, не слышал, как в кабинет вошел Мовуазен и на цыпочках вышел.

Светало. Небо стало серым, потом голубым. Взошло солнце. Когда Мовуазен во второй раз вошел, то принес с собой чашечку кофе, приготовленного на плитке. Жанвье уже приехал. Лапуэнт был в пути.

- Который час?

- Пять пятнадцать.

- Они тут?

- Жанвье. А Лапуэнт...

- Я тут, шеф, - слышалось снаружи. Оба были чисто выбриты, несмотря на то, что не доспали.

- Входите оба.

Не будет ли это новой ошибкой - действовать без санкции судьи Комельо? Если да, он будет отвечать за все и вся.

- Ты, Жанвье, поедешь на улицу Коленкур. Возьми с собой кого-нибудь, кто уже отдохнул.

- К старухе?

- Да. Привезешь ее сюда. Она будет протестовать, может быть, даже отказываться.

- Понятно.

Он протянул ему лист бумаги, которую только что подписал с выражением, будто хотел раздавить ручку.

- Отдашь ей эту повестку. А ты, Лапуэнт, поедешь на бульвар Сен-Жермен и найдешь мадам Монсин.

- Вы мне дадите повестку?

- Да, я думаю, это пригодится. Привезете их, посадите в один кабинет и сообщите мне.

- Барон и Ружин в коридоре.

- К черту!

- Это ничего не значит?

- Пусть видят.

Они прошли в кабинет инспекторов, где еще горел свет. Мегрэ открыл дверцу шкафа. Он всегда держал там бритву. Настроил ее и порезал слегка губу.

- У тебя есть еще кофе, Мовуазен? - крикнул он.

- Сейчас, шеф. Уже кипит.

Первыми проснулись буксиры, толкающие вверх и вниз по Сене ряды барж.

Несколько автобусов прогромыхали по мосту Сен-Мишель, еще совсем пустынному, только одинокий рыбак сидел, свесив ноги, над темной водой.

Мегрэ начал ходить взад и вперед, заглянул в коридор и увидел репортеров, несмотря на столь ранний час сидевших наготове.

- Лоньон не звонил?

- Около четырех он сказал, что ничего нового нет, если не считать того, что эта девушка шла на танцы на площадь Тертр. Она приходила туда раз в неделю, постоянного ухажера у нее не было.

- Она ушла оттуда одна?

- Несколько человек видели ее, но не уверены. У них сложилось впечатление, что она скромная и неглупая. В коридоре слышался шум.

Визгливый женский голос, слов понять невозможно.

Несколько мгновений спустя в кабинет вошел Жанвье с видом человека, только что исполнившего не очень приятное дело.

- Это было нелегко.

- Она спала?

- Да, сначала разговаривала через дверь, не желая открывать. Я пригрозил привести слесаря.

Предстала передо мной в ночной сорочке.

- И ты ждал, пока она оденется?

- Да, на площадке. Так и не пустила меня внутрь.

- Сейчас она одна?

- Да, вот ключ.

- Подожди Лапуэнта в коридоре.

Минут через десять оба инспектора присоединились к Мегрэ.

- Они тут?

- Да.

- Ругаются?

- Даже не посмотрели друг на друга и вообще делают вид, что незнакомы. Жанвье колебался.

- Что теперь делать?

- Пока ничего. Сядь у них под дверью, и если они начнут разговаривать, послушай.

- И все?

Мегрэ неопределенно махнул рукой, что могло бы означать: с богом!

ГЛАВА VII

У МОНСИНА ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Девять утра. Две женщины, закрытые в кабинете, до сих пор не произносили ни слова. Обе сидели на стульях (кресел не было) и вели себя так, словно дожидались приема у врача, скучая, не имея возможности полистать журнал.

- Одна из них поднялась открыть окно, - сказал Жанвье, обращаясь к Мегрэ, с нетерпением ждавшего чего-нибудь нового. - Вернулась. Больше ничего не слышно.

Мегрэ далее не думал о том, кто же из них совершил преступление этой ночью.

- Принеси им газеты. Положи на стол так, чтобы они со своих мест видели заголовки.

Уже дважды звонил Комельо. Сначала из дома, когда, наверное, за завтраком увидел газету, а потом из Дворца правосудия.

- Скажи, что меня нет и ищут.

Один важный вопрос, который поставил Мегрэ ранним утром, был решен.

Для матери Монсина все было проще. Она легко могла войти и выйти из квартиры в любое время, не беспокоя консьержку, поскольку у нее, как у хозяйки дома, был свой ключ. Тем более что консьержка ложилась спать в десять часов, самое позднее в половине одиннадцатого.

На бульваре Сен-Жермен Монсины ключа не имели. Консьержка ложилась позже, около одиннадцати. Не потому ли все предыдущие преступления совершались довольно рано? Пока она не спит и дверь не закрыта, консьержка рассеянно смотрела на жильцов, возвращавшихся из кино, театра или от друзей.

Утром открывала дверь в половине шестого, выносила мусор и возвращалась к себе. Иногда на часок прикладывалась вздремнуть.

Этим мог воспользоваться Марсель Монсин. Незаметно спуститься вниз, отделаться от костюма, оставив его на набережной.

А жена? Могла ли она уйти вечером и вернуться около полуночи, и чтобы консьержка ее не заметила?

Инспектор, возвратившийся с бульвара Сен-Жермен, сказал: да.

- Консьержка, конечно, утверждает, что нет, - объяснил он Мегрэ. - Однако жильцы другого мнения. С тех пор, как она овдовела, у нее появилась привычка вечером выпивать два-три стаканчика какого-то ликера с Пиренеи. Иногда приходилось звонить несколько раз, пока она не открывала дверь. Делала это в полусне, не слыша имени, которое бормотали жильцы на ходу.

Сведения поступали из разных мест, без системы, иногда прямо по телефону.

Выяснилось, например, что Марсель Монсин и его жена знакомы с детства, ходили вместе в одну школу. Однажды летом, когда Марселю было девять лет, жена аптекаря с бульвара Клиши

взяла его на каникулы вместе со своими детьми куда-то на виллу в Эрета. Сообщали, что сразу же после свадьбы молодая чета несколько месяцев жила в квартире, которую им в их полное распоряжение предоставила мадам Монсин, на том же этаже, что и ее. В девять тридцать Мегрэ приказал:

- Приведите Монсина, если только он не у Комельо.

Жанвье со своего места услышал, как одна из женщин поднялась. Шелест страниц. В кабинете царил молчание.

День обещал быть ясным, но прохладнее, чем предыдущие. Легкий ветерок шелестел листвою деревьев и иногда залетал в комнату.

Монсин вошел молча, посмотрел на комиссара, поприветствовал его кивком и остановился, ожидая, когда пригласят сесть. У него не было возможности побриться, и светлая щетина смазала чистоту лица, черты стали расплывчатыми, и он казался еще более уставшим и дряблым.

- Вам уже сказали, что произошло вчера вечером? Как бы с укором тот ответил:

- Никто мне ничего не говорил.

- Прочтите.

Комиссар протянул ему газеты, детально описывавшие события на улице Местр. Пока задержанный читал, Мегрэ не спускал с него глаз и вскоре убедился, что не ошибся. Первой реакцией Монсина была досада, недовольство. Он нахмурил брови.

"ВОПРЕКИ АРЕСТУ ДЕКОРАТОРА, НОВОЕ УБИЙСТВО НА МОНМАРТРЕ".

На мгновение Монсин подумал о ловушке, может быть, все это подстроено специально, чтобы заставить его говорить. Он внимательно прочитал, проверил дату наверху страницы и убедился, что написанное было правдой.

Не испытывал ли он злости, ярости, что ему все испортили?

В то же время он размышлял, пытался понять, найти наконец решение этой задачи.

- Как видите, - сказал Мегрэ, - кто-то пытался вас спасти. К сожалению, это стоило жизни несчастной девушке, недавно приехавшей в Париле.

Уж не улыбка ли скользнула по губам Монсина? Он пытался скрыть ее, однако подавить какое-то детское удовлетворение не смог.

- Обе ваши женщины здесь, - продолжал Мегрэ нехотя, не поднимая глаз.

Эта навязанная ему борьба забавляла его. Оба постоянно были в напряжении, в счет шел малейший нюанс, взгляд, движение губ, век.

Монсин устал, у Мегрэ было в этом преимущество, но, с другой стороны, комиссара не покидало чувство отвращения. Он даже испытывал искушение передать дело судебному следователю.

- Сейчас их приведут, и вы объяснитесь.

Что чувствовал Монсин в этот момент? Ярость, бешенство? Возможно. Его голубые глаза сузились, челюсти сжались, он бросил на комиссара быстрый взгляд, полный упрека. А может быть, он испытывал страх? На лбу и верхней губе у него выступили капельки пота.

- Вы решили продолжать молчать?

- Мне нечего сказать.

- Не находите, что пришло время кончать все это? Не думаете, Монсин, что это была лишняя жертва? Если бы вы заговорили вчера, то это преступление не было бы совершено.

- Я тут ни при чем.

- Вы ведь знаете, кто из них так глупо хотел спасти вас? Монсин больше не улыбался. Наоборот, ожесточился против той, которая совершила это убийство.

- Я хочу сказать, что думаю о вас. Вы, возможно, больны, поскольку, держу пари, ни один нормальный человек не поступил бы в данной ситуации так, как делаете вы. Однако предоставим решать этот вопрос психиатрам.

Если только они признают вас вменяемым.

Мегрэ неотрывно смотрел на Монсина.

- Признайтесь, вы ведь будете обижены, если вас признают невменяемым?

Слабый отблеск мелькнул в его глазах.

- Ладно. Вы были обычным ребенком, по крайней мере, внешне. Сыном мясника. Это обстоятельство унижало вас? Он даже не трудился отвечать.

- Это унижало вашу мать, смотревшую на вас, как на аристократа, случайно залетевшего на улицу Коленкур. Я не знаю, как выглядел ваш отец. Среди многочисленных фотографий, хранимых вашей матерью, я не нашел ни одной его. Думаю, она стыдится. И наоборот, с раннего возраста вас фотографировали во всех видах, а в шесть лет нарядили в дорогой костюм маркиза по случаю бала. Вы любите свою мать, господин Монсин?

Он продолжал молчать.

- Тем, что вас спрятали в скорлупу, обращались как с существом нежным, требующим постоянного ухода, присмотра, дело не кончилось. Вы могли бы взбунтоваться, как другие в подобном положении, порвать со всем этим. Послушайте. Те, кто реально заботился бы о вас, не прибежал бы ни к каким уверткам. Для меня вы остаетесь человеком. Неужели не понимаете, чего я действительно хочу от вас: высечь человеческую искру? Вы не взбунтовались, потому что вы ленивы, бездеятельны и вдобавок неизмеримо горды. Другие рождаются с титулом, состоянием, богатыми родственниками, комфортом и богатством вокруг них. Вы же родились у матери, заменившей вам все. Что бы с вами не случилось, ваша мать была рядом. Вы знали об этом. Вы могли позволить себе все. Только вы должны были платить за это покорностью и послушанием. Вы принадлежали своей матери. Были ее вещью.

И не имели права стать человеком, как другие. Ведь, когда она узнала, что у вас начались маленькие приключения, похождения, она женила вас в двадцать лет.

Монсин напряженно смотрел на комиссара, но по его виду нельзя было понять, о чем он думал. Было лишь ясно: ему льстило, что человек такого положения, как Мегрэ, занялся им, вникает в его поступки, жесты, мысли.

- Я не верю, что вы были влюблены, вы слишком заняты собой. Взяли Ивонну в надежде вырваться из-под влияния матери. Ведь девушка всегда с восхищением смотрела на элегантного блондина. Вы, казалось ей, сделаны из другого теста, чем остальные сверстники. Ваша мать позволила это. Но не увидела, что эта гусыня, которую она выбрала на свой вкус и поселила на том же этаже, тоже собирается держать вас под каблуком. Однако это не объясняет убийства. Мало что скажут и врачи... Вы один знаете причину!

Однако я уверен, что не будете ничего говорить.

На этот раз Монсин улыбнулся с видом человека, который, если он того пожелает, может сделать свои поступки понятными простым смертным.

- Я кончаю. Маленькая уточка оказалась не только настоящей женщиной, но и такой же влиятельной самкой, как и ваша мать. Между ними началась борьба, в которой ставкой были вы. А вы сами склонялись то в одну, то в другую сторону. Ваша жена выиграла первый тур, когда увела вас с улицы Коленкур и посадила в квартире на бульваре Сен-Жермен. Она открыла вам новый горизонт, окружение, друзей, но время от времени вы сбегали и возвращались на Монмартр. Не тогда ли в вас стал расти протест против Ивонны, подобный тому, что был против матери? Они обе, Монсин, помешали вам стать человеком!

Арестованный бросил на Мегрэ тяжелый, полный злобы взгляд и снова опустил глаза.

- Это вам только кажется. Вы пытаетесь в это поверить. Но вы отлично знаете, что это не правда. У вас, Монсин, не хватило смелости быть человеком, мужчиной. Вы и не были им. Вы были среди них, в их окружении, их восхищении, их прощении. Вот что вас унижало.

Мегрэ подошел к окну, вдохнул свежего воздуха, вытер лоб платком.

Нервы у него были напряжены и дрожали, как у актера, только что сыгравшего свою главную сцену.

- Вы не отвечаете. Я знаю, не можете ответить. Это мучительно для вашего самолюбия. Привыкли жить с трусостью в постоянных компромиссах.

Сколько раз у вас появлялось желание убить их? Я говорю не о бедных девушках, лишенных вами жизни на улицах. Я имею в виду вашу мать и жену.

Держу пари, что еще в юности вам приходила на ум идея: убить мать, чтобы освободиться. А потом то же самое было с Ивонной. Вы были их пленником.

Они взрастили вас, ухаживали, лелеяли и в то же время обладали вами. Вы были их вещью, собственностью, которую они делили между собой. И вы, разрываясь между улицей Коленкур и бульваром Сен-Жермен, создали свой мир. Когда, почему, под воздействием каких эмоций, какого унижения произошел взрыв? Я не знаю. Вы один можете ответить на этот вопрос, да и в этом я не уверен. Каким образом могли вы самоутвердиться? Не своей профессией. Вы знали, что неудачник, больше того, вы - любитель. Никто не принимал вас всерьез. Так как же? Каким "подвигом"? Чтобы удовлетворить свою гордыню, спесь, это должно быть шумно, с треском. Ваш поступок должен был заставить говорить о вас весь мир, дать вам чувство превосходства над толпой. Не вернулись ли вы снова к мысли об убийстве женщин? Это было бы опасно. Поиски автоматически вышли бы на вас, да и не осталось бы никого, кто вас поддерживал, угождал, льстил. И все-таки это на них, на женщин, ваших властительниц, были направлены ваши действия. Именно случайные женщины стали вашими жертвами. Полегчало ли вам, Монсин, когда вы открыли, что способны убить? Дало ли это вам превосходство или просто почувствовали себя человеком? Мегрэ смотрел прямо в глаза, и его собеседник отпрянул.

- Хотя убийство во все времена считалось самым тяжким преступлением, существуют люди, которые думают, что его совершение предполагает особый род храбрости. Я считаю, что первый раз, второго февраля, оно доставило вам чувство удовлетворения, даже опьянения. Вы приняли все меры предосторожности, не хотели платить, идти на эшафот, в тюрьму или сумасшедший дом. Вы преступник-буржуа, господин Монсин, преступник-неженка, убийца, заботящийся о комфорте и уходе. Вот почему традиционные методы полиции в отношении вас оказались недействительными.

Это я понял, когда увидел вас. Вы боитесь тела с почти физическим страданием. Если бы я дал вам пощечину, вы "раскололись" бы и, кто знает, может быть, из-за страха перед второй пощечиной вы предпочли бы признаться...

Вид Мегрэ был страшен, ярость овладела им помимо его желания, и Монсин, сразу как-то уменьшившийся в размерах, был потрясен.

- Не бойтесь. Я не буду вас бить. Просто хотел проверить, тот ли вы, каким я вас представлял. Вы умны. Вы выбрали квартал, известный вам как свои пять пальцев, ведь вы жили в нем с детства. Выбрали бесшумное оружие и в то же время такое, которое в момент удара приносило вам физическое удовлетворение. Нажатие на курок пистолета или подмешивание яда ничего подобного бы не дало. Вам необходимо было уничтожить, истребить. Вы убивали, но это не удовлетворяло вас: вам нужно было ожесточиться, остервенеть. Вы разрезали платья жертв, белье, и, несомненно, это заинтересует психиатров. Не трогали своих жертв потому, что неспособны и никогда не были настоящим мужчиной.

Монсин вдруг поднял голову и посмотрел на Мегрэ.

- Эти платья, комбинации, бюстгалтеры, трусики были для вас символом женщины, и вы резали их на куски. Интересно, говорили ли вы жене, возвращаясь с Монмартра, что ходили проведать мать? Установила ли она связь между вашими визитами и убийствами? Видимо, господин Монсин, я запомню вас на всю жизнь. Ни одно дело не волновало меня так сильно.

Вчера после ареста никто из них не подумал, что вы невинны. А одна даже решила спасти вас. Если последнее убийство сделала ваша мать, то ей нужно было сделать всего лишь несколько шагов по улице Местр. Если вас решила выручить жена, то, видимо, она вполне согласна, если мы вас выпустим, жить и дальше рядом с убийцей. Я не исключаю никого. Они обе тут с самого утра и еще не сказали друг другу ни слова. И я спрашиваю себя: нет ли между ними скрытой зависти? Между ними годами шла борьба.

Кого же вы любили больше, кому больше принадлежали? Кому вы отдаете честь спасти себя?

Он было хотел что-то добавить, но телефонный звонок прервал его:

- Алло! Да, это я... Да, господин судья... Он тут... Прошу прощения, я буду занят еще час... Нет, пресса не лжет... Один час!.. Они тут, обе...

Мегрэ бросил трубку и направился в кабинет инспекторов.

- Приведите женщин!

Пора кончать. Если и это усилие ничего не даст, то, значит, он не способен проникнуть в суть дела, раскусить их.

Он попросил только один час не потому, что был уверен в себе, а как милостыню. Через час он сдаст это дело, и Комельо сможет поступать как ему заблагорассудится.

- Входите, дамы! - легкая дрожь в голосе, подчеркнутое спокойствие, когда он пододвигал стулья, выдавали его волнение. - Я не собираюсь вводить вас в заблуждение. Закрой дверь, Жанвье. Нет! Не уходи. Останься и веди протокол. Повторяю, я не собираюсь обманывать вас, уверяя, что Монсин сознался. Я допросил бы вас тогда каждую отдельно. Как видите, я решил не прибегать к таким маленьким хитростям нашей профессии.

Мать, так и не присевшая, направилась к нему, собираясь что-то сказать. Он сухо бросил ей:

- Пойдите! Не сейчас...

Ивонна Монсин, как на приеме, пристроилась на краю стула. Она бросила взгляд на мужа и тотчас уставилась на комиссара, боясь прослушать что-нибудь, следила за движением его губ.

- Создается или нет, но он убил пять раз, и вы знали это. Вам более, чем кому-либо, известны его слабые стороны. Рано или поздно это должно было произойти. Рано или поздно он бы кончил в тюрьме или сумасшедшем доме. Одна из вас сообразила, что, совершив новое убийство, сможет отвести от него подозрение. Нам остается только узнать, кто из вас двоих убил этой ночью некую Жанин Лоран на углу улицы Местр.

Мать взорвалась:

- Вы не имеете права допрашивать нас без адвоката. Я запрещаю им говорить. Наше право - воспользоваться юридической помощью.

- Присядьте, мадам, не стоя же вы будете давать показания.

- Вы заблуждаетесь, думая, что я буду давать показания! Вы действуете, как грубиян, невежа и вы... вы...

Злоба, накопленная за несколько часов, проведенных с глазу на глаз со своей невесткой, вырвалась наружу.

- Я повторяю: сядьте. Если будете продолжать бесноваться, я позову другого инспектора, и он станет допрашивать вас, а я займусь тем временем вашим сыном и его женой.

Эта перспектива охладила ее пыл. Перемена произошла прямо на глазах.

Она застыла с перекошенным от ярости ртом, потом сказала:

- Я хотела бы посмотреть все это!

Разве она не мать? Не ее ли права самые древние, наиболее неоспоримые, чем у этой девчонки, завлекшей ее сына?.. Это ее плоть, а не Ивонны.

- Одна из вас, - повторил Мегрэ, - совершив убийство, надеялась спасти Монсина, находившегося в это время под 4 стражей. Но это укрывательство продолжалось, я уверен, уже с давних пор. Вы не боялись день за днем находиться с ним в одной квартире, не протестуя, без всякого шанса остановить его, если ему взбредет в голову убить вас. Вы любили его по-своему.

Взгляд, каким мадам Монсин одарила невестку, не остановил его.

Никогда в своей жизни Мегрэ не видел столько ненависти в человеческих глазах.

Ивонна сидела не шевелясь. Она держала руки на красной сафьяновой сумочке и неотрывно следила за выражением лица Мегрэ, словно за гипнотизированная.

- Мне остается сказать вам только одно. Монсин почти наверняка спасет свою жизнь. Психиатры, как обычно, не придут к единому мнению. Они продолжают свой спор в суде, а сами присяжные ничего не смогут понять из их рассуждений. Так что есть шанс отправить Монсина до конца его жизни в сумасшедший дом.

Губы арестованного дрогнули. О чем он думал в тот момент? Он, должно быть, безумно боялся гильотины, как, впрочем, и тюрьмы. Может быть, ему представлялись сцены из жизни сумасшедшего дома, о которых он был наслышан?

Мегрэ был убежден, что, если Монсину пообещать отдельную комнату, специальную медицинскую сестру, тщательный уход, а также внимание к нему со стороны какого-нибудь известного профессора-специалиста, он бы заговорил.

- Шесть месяцев Париж жил в страхе. Люди не прощают перенесенных страданий. Ведь судьями будут парижане: отцы, возлюбленные тех, кто мог пасть от ножа Монсина на каком-нибудь углу. Вопросы о безумии не будут.

Одна из вас, чтобы спасти, точнее, не потерять того, кого она считала своей собственностью, рисковала годовой.

- Мне легко умереть за своего сына, - четко произнесла мадам Монсин.

- Это мой ребенок. Неважно, что он сделал. Меня не волнуют шлюхи, таскающиеся ночью по улицам Монмартра.

- Вы убили Жанин Лоран?

- Я не знаю, как ее звали.

- Вы совершили этой ночью убийство? Поколебавшись, она посмотрела на Монсина и произнесла:

- Да.

- В таком случае, не скажете ли вы, какого цвета платье было на жертве?

Эту деталь Мегрэ просил не печатать.

- Я... Было слишком темно, чтобы...

- Извините! Вы не будете отрицать, что она была убита в пяти шагах от газового рожка.

- Я не обратила внимания.

- И все же вы разрезали одежду...

Вдруг в тишине прозвучал голос Ивонны Монсин, которая спокойно, как ученица в школе, произнесла:

- Платье было голубое.

Она засмеялась и повернулась с видом победительницы к свекрови.

Не она ли, по ее мнению, выиграла эту партию?!

- Да, платье было голубое, - расслабившись, пробормотал Мегрэ.

И это облегчение было таким внезапным, таким сильным, что к глазам его подступили слезы. Слезы усталости?

- Закончи, Жанвье, - буркнул он, поднявшись.
Мать замкнулась в себе, сразу постарев лет на десять, как будто у нее отняли цель жизни.
Мегрэ даже не посмотрел на Марселя Монсина, уронившего голову на грудь.
Комиссар молча пробрался сквозь толпу репортеров, столпившихся в коридоре.
- Кто же убийца? Нам что-нибудь скажут? Комиссар кивнул головой и прошептал:
- Да... Через несколько минут вы все узнаете...
Он устремился через небольшую застекленную дверь к Дворцу правосудия.
Мегрэ пробыл у Комельо около пятнадцати минут. Вернувшись к себе в кабинет, он отдал распоряжения:
- Мать, разумеется, отпустишь. Комельо желает видеть двух других как можно скорее.
- Обоих сразу?
- Да, сначала двоих вместе. Судья сам сообщит обо всем журналистам...
У Мегрэ было желание повидать только одного человека, которого не было ни в кабинете, ни в коридоре уголовной полиции. Он хотел встретиться с профессором Тиссо, чтобы долго говорить с ним, как тогда, в тот вечер, в гостиной Пардона.
Во второй раз Пардон, видимо, не пригласит профессора к себе на ужин.
А Мегрэ сейчас был слишком изнурен, чтобы направиться в больницу Святой Анны и ждать, когда профессор его примет.
Комиссар толкнул дверь в кабинет инспекторов. Все находившиеся там вопросительно посмотрели на него.
- Все, ребята, дело закончено...
Он минуту поколебался, обвел взглядом своих сослуживцев и с усталой улыбкой на губах произнес:
- А я отправляюсь спать.
Его сотрудники редко видели улыбающимся своего шефа, даже если ему удавалось выспаться ночью.
- Вы скажите начальнику...
И повернувшись в сторону коридора к журналистам, Мегрэ бросил:
- Пройдите к судье Комельо... Он все вам расскажет...
Тяжело спустившись по лестнице, комиссар остановился внизу и, не спеша набив трубку, раскурил ее.
Один из шоферов предложил ему отвезти его домой, но Мегрэ отказался.
Ему хотелось вначале посидеть на террасе пивной "Дофин".
- Кружку пива, комиссар?
Он с иронической улыбкой поднял глаза на хозяина пивной и поправил его:
- Две!
Проспав до шести часов вечера на влажных простынях, не слыша никаких звуков, доносившихся через открытые окна с улицы, он наконец поднялся.
Затем прошел с еще заспанными глазами в столовую и объявил жене:
- Сегодня вечером мы идем в кино...
Как всегда, они возьмут друг друга под руку.
Мадам Мегрэ ни о чем не спрашивала его. Она смутно чувствовала, что мысли мужа витали где-то далеко, что ему хотелось снова ощутить присутствие рядом с собой обычных людей, вновь погрузиться в привычную ему жизнь.